

Бегущая по огням

Автор:

Евгения Михайлова

Бегущая по огням

Евгения Михайлова

Детектив-событие Частный детектив Сергей Кольцов

Алла не находила себе места – Оля пропала, а она так и не успела оформить над девочкой опеку! Родители Оли исчезли несколько месяцев назад, и теперь настала очередь дочери...

Частный детектив Сергей Кольцов решил провести отпуск в родительском доме. Однако отдых был прерван, когда по дороге в магазин его мама обнаружила тело убитой девушки. Кольцов пока не знал, что ему придется вести не одно, а два дела одновременно...

Настя никак не могла выбраться из душившей ее депрессии. И только участие в поисках пропавшей девочки, которыми занимался сосед Сергей, помогло ей вернуться к жизни и понять: не стоит гневить судьбу...

Согласно «теории шести рукопожатий» все мы связаны друг с другом незримыми связями. Но мало кто догадывается, как эти связи могут оказаться опасны...

Евгения Михайлова

Бегущая по огням

Евгения Михайлова много лет занималась журналистскими расследованиями. Героями ее публикаций становились невинно осужденные, воспитанники детских домов, люди, лишившиеся доброго имени, дома, надежды. И если порой в жизни борьба за справедливость терпит поражение, в детективных романах Евгении Михайловой истина и любовь побеждают всегда, несмотря на самые тяжелые испытания!..

Все события и персонажи романа вымышленные

Часть первая

Покойники снятся к дождю. Дерьмо – к деньгам. Спутанные, выпадающие волосы – к беде. Собственный страх снится только к тому, что он есть на самом деле. Резкие, яркие картинки, пробуждение в холодном поту – все это означает одно: опасность рядом.

Глава 1

Частный детектив Сергей Кольцов устроил себе отпуск. Просто осуществил свою навязчивую идею, главное желание, в котором иногда стеснялся признаться самому себе. А тут – закончил очередное, не самое сложное, но очень муторное дело, посмотрел на градусник на балконе: «Кошмар, я уже вяленый продукт», – заглянул в холодильник на кухне, сказал этому тупому агрегату без внутреннего содержания: «Я не могу терпеть бесполезную мебель. Надо тебя менять на скатерть-самобранку». На том, что давно пора его помыть и протереть, Сергей заикливаться не стал. Нервы не железные. И он быстро набрал мамин номер.

– Привет, ма. Ты в порядке?

– У меня все по-прежнему, сыночек. Волнуюсь. За тебя. Как твое дело?

– Нормально. Слушай, на меня прямо вот сейчас, с потолка, обрушилась гениальная идея. Отпуск! Ты помнишь, когда я был в отпуске? Я – нет.

– Я помню, но это неважно. Это очень хорошая идея. Сейчас можно заказать тур на море на любое количество дней...

– Ты меня не дослушала. То, что ты предлагаешь, – не гениальная идея. Я не хочу вставать, идти с чужими людьми на завтрак, не хочу жариться на солнце, мне и так жарко... В общем, не нужен нам берег турецкий. Мам, я никогда тебе не говорил, но я живу с мечтой. Тебе интересно?

– О чем ты спрашиваешь! Или ты дурачишься, как всегда?

– Я серьезно. Я все время хочу вернуться в детство. К тебе. В такой отпуск я постоянно хочу. Чтобы ты меня будила словами: «Деточка, все уже обедают». Хочу ныть над глазуньей, что у нее растекся один желток. Мама, я хочу, чтобы ты мне варила компот из вишен, чтобы ты сидела рядом со мной, когда я буду засыпать. Чтобы рассказывала, как никогда бы не поверила в то, что я стану очень умным. Таким я был клоуном. Ты думаешь, я шучу?

– Что ты, Сереженька! Я плачу. Я жду тебя. Точнее, я побежала за вишнями. И очень постараюсь, чтобы у глазуньи потек один желток... Какой же ты у меня... Чудесный.

Сергей бросил в рюкзак какие-то вещи, отключил от сети компьютер и домашний телефон. В маминной квартире в его комнате все будет так, как было раньше. Тот же диван, тот же стол, ноутбук, который он, конечно, не собирается включать. Они будут рано ложиться и очень поздно вставать. И вообще. Человек отдыхает только в лежащем состоянии, если он, конечно, в остальное время работает. И, самое главное, на его диване в маминной квартире Сергею показывают самые любимые сны. Мобильный телефон он заблокирует. Иначе все испортят. О! Как здорово он придумал – исчезнуть для всех и оказаться в детстве.

У них все получилось. Они были так счастливы вдвоем, так понимали друг друга, делали, что хотели. Точнее, Сергей ничего не делал. Вот уже три дня он разговаривал с мамой, составлял ей компанию, когда она готовила еду, убирала, стирала. Он постоянно предлагал помощь, но Марина Евгеньевна в ужасе

говорила: «Ты что! Ты дискредитируешь свою гениальную идею, я прекрасно все сделаю сама. Ты только мне помешаешь. Просто подними ноги на диван». Он ел окрошку, гаспачо, котлеты, вишневый компот и мороженое. Ему все так нравилось, что он стал побаиваться: «Мам, я не стану умственно отсталым от такой жизни? Ты все знаешь про медицину. Это меня не Альцгеймер прихватил?»

Мама очень много смеялась. Она, конечно, не стала говорить Сергею, что вообще смеется только в его присутствии. Не хватало, чтобы у него появилось чувство вины. Но они так были привязаны друг к другу. Надолго не разлучались. Она была его классной руководительницей в школе, преподавателем литературы. Любила в жизни одного мужчину: отца Сергея, такого же голубоглазого блондина, как и сын. Он был летчиком и однажды не вернулся. Самолет разбился...

– Давай я тебя постригу, – предложила мама Сергею.

– Я опасаюсь, – ответил он просто от лени. – Ты можешь меня обкорнать, как соседского пуделя, помнишь? Был вполне себе пес, получилась стриженная крыса. Я боялся, что его хозяйка тебя убьет.

Но она все же привела в порядок его густые волнистые, очень светлые волосы и сказала: «До чего же ты красив». Мама считала, что ребенку нужно постоянно говорить комплименты, чтобы не потерял чувства полноценности.

Сергей улыбнулся и внимательно посмотрел на нее.

– Раз пошла такая пьянка, извини, раз мы впали в такую идиллию, хочешь, скажу, на кого ты мне всегда казалась похожей? На Ирэн из «Саги о Форсайтах». Только на очень скромную Ирэн, которая боится быть яркой, заметной. В общем, учительница в тебе задавила Ирэн. А так – карие глаза, волосы, как сказано в книге, «цвета мертвых листьев». У тебя и седины нет совсем.

– Не могу поверить, – сказала мама. – Я таких комплиментов в жизни не слышала. Вот мне повезло! Все. Я надену свое лучшее зеленое платье и пойду в «Перекресток» за продуктами. Есть заказы?

– Пива купишь?

- А. Вот в чем дело. Куплю, конечно. А начал издаleка - Ирэн...

- Не в этом дело, - серьезно ответил Сергей. - Я правду сказал.

Когда Марина Евгеньевна ушла, он послонялся по квартире, потом разделся до плавок, позагорал на раскладушке на лоджии. Солнце светило ему прямо в лицо, но это было очень приятно. Потому что он уже спал и снился ему золотой дворец. В нем были золотые стулья, столы, в золотых вазах стояли золотые цветы.

- Сережа, - раздался мамин голос.

Он сразу резко вскочил. Эту интонацию он услышал бы сквозь любой сон.

- Что случилось?

- Мне кажется... Не только мне. Со мной была соседка Вера. Там, недалеко от магазина, под деревом у дорожки... Лежит что-то ужасное.

- Точнее!

- Вера говорит, это похоже на труп. Я не могла рассматривать. Запах... И мухи. Что-то, завернутое в красную тряпку.

Сергей задумчиво посмотрел в окно. На солнце сейчас все сорок. У большого магазина. Запах, мухи. И до сих пор никто, кроме мамы, не заметил.

- Может, позвоним по 02? - спросил он практически без надежды. Его мягкая, нежная мама была катастрофической максималисткой. Раз она на это наткнулась, отпуск закончился. Они должны все узнать, всем помочь, кого-то разоблачить, раз уж оживить не получится.

- Они не станут разбираться, - сказала Марина Евгеньевна. - Может, это им действительно не по силам. Но, ты понимаешь, там нет машин, проезжей части, только узкая дорожка от наших нескольких домов... То есть... Я же всех знаю здесь.

– Я понял твою мысль. Может, это не человек? Большая собака, к примеру?

– Какая разница? – спросила мама. – Собак тоже хоронят иначе.

– Ну, что ж. Я пошел. Дай мне перчатки, в которых ты моешь пол.

Глава 2

Алла легла очень поздно: писала репортаж о фотовыставке для своей газеты. Там были представлены работы известных фотохудожников. Ей, конечно, понравилось. Талантливо. Но очень многие работы показались ей мрачными и депрессивными. Сплетенные темные ветви, скорбные лица, смятенные глаза... Да, веселых толстеньких детишек и забавных пушистых котят было мало. Но все же они были. На них бы ей и смотреть, чтобы настроение поднять. Но нужно ведь написать нормальный материал. В часа два ночи она закончила, легла, к трем провалилась в сон. А проснулась в шесть, хотя можно было спать до девяти. Она лежала, свернувшись в клубочек, как любила с детства, и не могла распрямить спину, раскинуть руки и ноги, вдохнуть глубоко, до конца. В ней что-то дрожало, мысли были вязкими, беспросветными. Алла пыталась вспомнить, что ей снилось. Снились фотографии, которые она видела вечером. И что-то еще, тягостное, уже почти привычное. Из-за этого она так рано проснулась и больше не могла уснуть.

Алла сделала над собой усилие, встала, подошла к зеркалу. Внимательно посмотрела на свое узкое бледное лицо, большие темные глаза... Господи, на выставке она видела несколько похожих лиц: видимо, они привлекают внимание фотохудожников. Когда она смотрела на те фотографии, думала, что в этих людях есть тайна, боль или болезнь... Сейчас она видит то же самое в зеркале. Что с ней? На работе все нормально. Развод с мужем пережила, переболела, хотя это было ужасно. Да нет, не более ужасно, чем у других. Она сначала поняла, что он ее не любит. Потом узнала, что у него есть другая. Потом увидела его с этой другой, она оказалась заметно беременной. Дальше все было обидно, унижительно для нее, но достаточно просто по нынешним временам. Она ушла к матери в их общую трехкомнатную квартиру, освободив мужу место для другой и ее потомства. Аллу муж со дня свадьбы заставлял принимать разрекламированные противозачаточные таблетки. Впоследствии оказалось, что

они очень вредны. Однажды ее увезли с приступом удушья с работы. Выяснилось, что у этих таблеток есть противопоказания: они вызывают образование мелких тромбов в легких. Главный редактор и настоящий друг помог ее отправить в германскую клинику, откуда она вернулась практически здоровой. И с новым чувством к мужу. Он говорил, что они пока не могут иметь детей, потому что ему надо поднять бизнес... Ну, и решал бы эту проблему, только не за счет ее здоровья, а может быть, даже жизни, если бы ей не повезло с клиникой. Но ему было удобно именно так. Какое-то время они жили, как брат и сестра: она сказала, что ей пока нельзя вступать в половой контакт. Это было неправдой, он не собирался ничего менять. И тут появилась эта беременная любовница. Алла спросила у него, прежде чем уйти: «А почему ты ее не заставлял пить эти таблетки?» Он пожал плечами и засмеялся: «Я говорил, но она меня подловила. Это могла бы сделать и ты». Вот такой хеппи-энд ее брака. Ему было все равно, с кем жить, Алла была рада, что это закончилось. И обида давно прошла. Он стал совершенно чужим человеком. Алла уже научилась получать удовольствие от свободы. Правда, мать отнеслась к ее разводу неодобрительно. Она ко всему относилась неодобрительно. Мама...

Алла накинула халат, пришла на кухню. Мать сидела там за столом и пила кофе с тостом. Она без конца ходила по врачам, приносила новые диагнозы, что-то постоянно лечила. Сейчас ей по какому-то поводу нужно было питаться через каждые три часа. Алла давно поняла, что охота за диагнозами и есть мамин диагноз. Она была физически здоровым человеком. В начале лета они ездили отдыхать в Турцию, плавали на байдарках по порожистым рекам, гребла именно мама. У Аллы кружилась голова, она боялась резких взлетов и падений. Хотя многие любят лечиться. Это не самый большой недостаток.

- Как ты себя чувствуешь? - спросила Алла.

Нина Ивановна подняла на нее бледно-голубые холодные глаза и ответила:

- Плохо.

- Что-то болит?

- Не стоит делать вид, что тебя интересует мое здоровье.

– Оно меня интересует. Почему ты говоришь с таким вызовом, как будто я виновата в том, что у тебя что-то не так?

– Никакого вызова. Как ты можешь быть виновата в том, что для тебя не существует. Ты приходишь поздно, сидишь ночь за компьютером, я удивляюсь, как ты меня вообще заметила.

– Мама, я тебя всегда замечаю. В чем дело? Я мешала тебе спать?

– Я не спала.

Мать смотрела в стену упрямо, непримиримо, разговор был бессмысленный, безрезультатный. У них нет поводов для конфликтов. У них больше никого нет, они – семья. Алла отдает матери практически всю зарплату, старается помогать. Чего мать хочет от нее? Чего она всю жизнь от нее хочет? Алле расхотелось кофе, она вернулась в свою комнату, вновь легла, крепко сжала веки. Она увидела...

Молодая женщина с холодными светло-голубыми глазами выходит во двор, смотрит на детскую площадку. Там худенькая темноглазая девочка идет, как гимнастка, по краю песочницы. Но тут в нее летит бутылочка с пепси-колой, она вздрагивает, падает в песок, красивое голубое платье покрывается мокрыми пятнами, тут же становится грязным. Девочка в ужасе пытается стереть грязь, но становится только хуже. Мальчишка, бросивший бутылочку, хохочет. Он хороший и добрый, просто немножко дурак. Женщина подходит к песочнице, берет девочку за руку, и со стороны кажется, что она просто помогает ей идти. На самом деле у девочки темнеет в глазах от боли и страха. Сильные пальцы впились в руку, завтра на ней будут синяки. Но страшнее всего идти домой, потому что мать будет ее бить долго, молча, жестоко, как робот, – без гнева, возмущения и жалости. Механические удары, беспощадные белесые глаза. Эти двое – Алла и ее мать.

Алла широко открывает глаза, вспоминает взгляд матери, с которым встретила сейчас на кухне, и понимает, отчего ей так трудно дышать в собственном доме.

– Она сумасшедшая, – шепчет Алла слова, которые столько лет боялась произнести. – Она похожа на убийцу.

Глава 3

Сергей быстро нашел место, о котором говорила мама. Через дорожку от него под другим деревом спокойно сидели мигранты и перекусывали. Да... Это дворники. Какой запах, однако. И не мешает.

- Эй, - окликнул их Сергей. - Вы не знаете, что это и когда появилось?

Они долго и удивленно смотрели на него, потом пожали плечами.

- Нэт, - сказал один и продолжил жевать.

Сергей надел мамины резиновые перчатки, потрогал содержимое темно-красного покрывала или мешка, согнав при этом с него больших зеленых мух. Постоял пару минут в раздумье. Затем стянул перчатки и достал мобильник, который подзарядил и разблокировал перед выходом из дома.

- Приветствую вас, Александр Васильевич. Узнали?

- Нет, Сережа, не узнал, говорю это для того, чтобы ты стал богатым. Или это уже случилось? Я звонил: у тебя телефон недоступен. Получается, клиенты больше не нужны?

- Отдыхаю я, Александр Васильевич. У мамы. По крайней мере, отдыхал еще полчаса назад. Тут такая история...

- Я понял, что история. Неужели клиенты тебя у Марины Евгеньевны нашли?

- Да нет. Пичалька. Клиентов нет, а расчлененка, похоже, есть... Мама наткнулась, когда шла из магазина. Когда шла в магазин, сверток кусты закрывали, а на обратном пути она его заметила, с той стороны ничего не растет.

– Твоя мама, мне кажется, живет в приличном районе Москвы. Можно позвать участкового или позвонить по ноль два... Нет? Не наш метод?

– Мама считает, что нет. У нас тихое место, здесь нет проезжей части, вообще нет машин. Это случилось или в одном из немногих домов, или рядом с ними... Мама живет тут всю жизнь, она допускает, что может знать людей, у которых случилось несчастье. Может знать жертву или даже убийцу.

– Какие идеи?

– Земцов в командировке. Я не работаю ни с кем, кроме вас. Мама в чем-то права: вызову полицию, увезут, скорее всего, с концами. А она потом заставит меня искать.

– Ты так часто повторяешь слово «мама», как будто объелся манной каши.

– Почти угадал. Глазунья, компот, мороженое. Сегодня первый раз попросил мне пива купить, оказалось – не к добру. Александр Васильевич, вы же поняли. В дар прошу принять. Вдруг опознать получится.

– Это, конечно, может получиться, но каким образом принять...

– Я думаю, простым. Вы, к примеру, сами это и нашли. С моей мамой шли из магазина. И к себе в лабораторию привезли. Вот такая официальная версия. А по факту мы с мамой – ваши клиенты. Ну, не жить мне иначе. Она никогда в жизни меня не наказывала. А сейчас в таком состоянии... Может даже сладкого лишить.

– Легкий ты парень, а как втянешь в какую-то историю, мало не покажется. Говори, куда ехать. Примем расчлененку, как ты просишь, в дар.

Сергей посторожил страшную находку минут сорок. Мигранты закончили трапезу и ушли. Люди спокойно проходили мимо из супермаркета и тоже ничего странного не замечали и даже не унюхали. Сейчас приедет Александр Васильевич Масленников, эксперт по особо важным экспертизам и... Черт бы побрал ту сволочь, которая убила кого-то солнечным жарким летом, оставила в таком месте, мимо которого проходила его мама. Сергей, конечно, не собирался

сильно напрягаться, но Масленников точно даст конкретную информацию, а от нее потянется ниточка. Или не потянется. Но все это будет сидеть в голове, притягивать факты, которые придется отбирать и анализировать. Мама не успокоится. Она действительно знает здесь практически всех. Их безмятежная игра в детство безжалостно прервана. Она ведь может даже перестать варить ему компоты! А вот и Масленников со своими лаборантами.

– Слушай, Сережа, – сказал Александр Васильевич. – Мы быстро упакуем это в мешок, погрузим, ничего на месте смотреть не будем. – Он посмотрел на сверток, куда вернулись мухи. – Даже время сейчас не определяю. Такая жара, самый солнцепек.

– Это точно человек? – перепроверил себя Сергей. – Я чуть дотронулся, большая собака может выглядеть в мешке так же.

– Это человек, и ты прекрасно это понимаешь, – ответил Масленников. – Запах не перепутаешь. В общем, ребята, забирайте, у себя оформим как нашу находку. Но вы все – свидетели того, что на самом деле нам подсунул работу Кольцов, который очень переживает, что мы бездельничаем без него.

Сергей грустно пожал Александру Васильевичу руку, посмотрел вслед их машине, отправился домой.

– Мама, – сказал он, войдя в прихожую. – Я сделал все, как ты сказала. Сейчас лучший на свете эксперт повез твою находку в свою лабораторию. Твои перчатки я выбросил, сейчас приму душ, потом дай мне мое пиво. И начинай работать частным детективом. Поскольку я ничего делать не собираюсь. У меня отпуск! У меня нет клиента!

– Мой дорогой! Я буду стараться, – виновато сказала Марина Евгеньевна. – Но у меня не получится. Мне жаль... Ведь у тебя была гениальная идея.

– Ты не собираешься ее совсем разрушить? – строго спросил Сергей. – Сразу скажу тебе свое главное правило. Я никогда не бегаю за фактами, не успеваю: они сами бегают за мной.

– Такой принцип? – улыбнулась Марина Евгеньевна. – Тогда все не так плохо. То есть кое-что ужасно плохо, но мы спасем твой отпуск. Ну, хоть немножко.

Глава 4

Алла два раза перечитала свой материал, поправила, переслала заведующей отделом Ларисе Николаевой. Позвонила ей, сообщила, что вернулась с выставки поздно, писала почти всю ночь, приедет немного позже.

– Смотри, – сказала Лариса. – Для тебя ничего срочного. Мы даже не решили еще, пойдет ли репортаж в этот номер. Но даже если пойдет, я его поведу. Можешь сегодня отдохнуть. Голос у тебя какой-то умирающий. И вообще, раз уж мы об этом заговорили: ты стала такая худая и зеленая, надо что-то делать.

Лариса была из тех людей, которые не приемлют пассивного отношения к чему бы то ни было в принципе. Ее основная реакция: надо что-то делать.

– Например? – поинтересовалась Алла.

– Лечиться, завести хорошего любовника или поехать за границу. Можно даже в командировку.

– И какой вариант тебе кажется предпочтительным?

– Все три. Я выбиваю командировку, мы вместе присматриваем тебе любовника, он едет с тобой, по ходу оплатит там твое обследование.

– Ужас, – сказала Алла. – Ничего более безнравственного мне еще не предлагали.

– И, что характерно, никто и не собирается предлагать. Пока я за это не возьмусь.

– Ты же не сию секунду возьмешься? – умоляюще спросила Алла. – Лара, я реально не выпалась. Давай сегодня без радикальных решений. Раз у меня выходной.

– Да, выходной. Только будь на связи: у меня могут возникнуть вопросы по материалу. А так – погуляй, позагорай, купи себе что-то симпатичное. Какое-нибудь яркое платье. Хочешь, я выскочу, и мы забежим в пару магазинчиков? – Лариса опять зафонтанировала идеями.

– Спасибо. Давай не сегодня, хорошо? Ты права: надо сначала загореть. Сама подумай: как будет смотреться яркое платье на том зеленом кошмаре, которым я, по-твоему, являюсь.

– Ты что, обиделась? Я же из лучших побуждений. Ну, немного преувеличила, возможно. Чтоб ты поняла, что...

– Надо что-то делать. Я поняла. Я не обиделась, Лариса. Наоборот, очень тронута. Конечно, мы что-нибудь придумаем. Так я отдыхаю?

Лариса прервала разговор с явной неохотой. Она любила сразу осуществлять свои планы по совершенствованию жизни других людей. Алла облегченно вздохнула. По крайней мере, Лариса приступит к своей интенсивной терапии не сегодня. Алла задумчиво посидела за столом, глядя на фотографию в серебряной рамке: она и мама на фоне ярко-синего моря. Алла выглядит старше своих двадцати шести лет из-за слишком серьезного, почти трагического взгляда темных глаз. Мама – моложе своих сорока пяти. Гладкое лицо, а светлые глаза вообще лишены выражения. Темные волосы Аллы стянуты сзади в хвост, у мамы – модная, короткая стрижка. По этому фото непонятно, есть ли у них какая-то разница в возрасте. Но их никто не примет ни за сестер, ни за подруг. Алла подумала о том, что все люди в ее жизни пытаются ею манипулировать как марионеткой. Мать, муж, даже Лариса... Неужели она настолько слабое, бесхребетное существо? В памяти вновь возникла сцена: девочка идет по краю песочницы, падает, пытается стереть грязные пятна с платья, и никто не понимает, что она больше всего на свете боится ярости собственной матери. Если бы она стояла на краю обрыва и увидела эти беспощадные глаза, она наверняка бросилась бы вниз. Тогда... А сейчас? Алла вдруг схватила фотографию и сунула ее в ящик стола. И тут же на пороге показалась мать. Между ними была связь палача и жертвы. Мать чувствовала малейшее изменение в ее настроении.

– Где фотография? – спросила она.

– В ящике, – спокойно ответила Алла. – Мне нужно было разложить записи для работы, я ее убрала.

– Ну-ну, – скрипучим голосом произнесла Нина Ивановна и направилась к выходу. – Я в поликлинику. В кухне на полке деньги и список продуктов. Купи по дороге с работы.

Алла дождалась, пока хлопнет входная дверь, пошла на кухню, посчитала деньги, прочитала список. Мать считает, что ей нельзя носить больше трех килограммов, а дочери, стало быть, можно тащить килограммов двенадцать. Деньги. Их зарабатывает Алла. Но у нее ничего нет. Ей вот так их до сих пор выдают. На что она купит яркое платье, о котором говорила Лариса? Она даже не может сказать ей, что не посмеет ничего себе купить без санкции матери. Лариса изречет: нужно что-то делать. Но Алла не знает, что делать. Она взяла список, ручку, которая лежала рядом с телефоном, и написала внизу крупными буквами: «Купи все сама. Я приду поздно». Деньги она оставила, натянула джинсы и майку и вышла из дома.

Просто шла по двору. Ей было жарко, одиноко, тоскливо. И вдруг она увидела свою учительницу литературы. Марина Евгеньевна, как всегда, очень озабоченная, почти бежала к дому с двумя сумками.

– Аллочка, – просияла она нежной улыбкой, когда та ее окликнула. – Как же я давно тебя не видела. Очень хорошо выглядишь, только немного похудела. Ты на работу?

– Нет. У меня выходной, Марина Евгеньевна. Давайте сумки, я вам их донесу.

– Ты что! Они легкие. Там всякая мелочь, все основное я уже купила рано утром. Ну, хочешь, возьми одну и пошли к нам. У меня сейчас Сережа отдыхает. Он будет рад тебя видеть.

– Я его тоже... – неуверенно ответила Алла.

– Что не так? – тревожно спросила Марина Евгеньевна.

– Все так, – улыбнулась Алла. – Я бы хотела с вами посидеть, поговорить. И с Сережкой повидаться, конечно. Просто при нем говорить невозможно. Ну, с тех пор, как он стал великим детективом. Он или шутки шутит, или сразу начинает разоблачать. А я устала. Я хочу, чтобы меня никто не трогал. И не очень хочу, чтобы он на меня смотрел. Я на самом деле плохо выгляжу, мне сей факт только что моя начальница подтвердила. Это вы такая добрая...

– Ясно. Пойдем. Сережу мы отправим спать. Он бодрствует несколько часов в сутки, такой мы ему придумали режим. И в эти часы он ест. Так что он просто не успеет сказать ничего, что тебя бы испугало. А мы посидим. Ты можешь мне ничего не говорить. Приготовим обед. Я расскажу тебе... Мне так хорошо из-за того, что мой мальчик спит в соседней комнате. Пошли?

– Пошли! – рассмеялась Алла. – Надеюсь, он храпит. Я услышу и буду над ним издеваться. Он у вас парень хороший, конечно, но слишком привык, что за ним все бегают. Первый парень в школе и в мире. Я никогда за ним не бегала.

– Знаю, – сказала Марина Евгеньевна. – Ты скромная и гордая. Мой сын немножко избалован, конечно. Моя вина в этом тоже есть. Но сейчас он действительно будет храпеть, и мы вместе станем над ним издеваться. Я согласна. Тем более он отлично к этому относится.

Сергей их встретил, очень обрадовался Алле. Но они дали ему поесть и отправили спать, что он с удовольствием пошел исполнять. Обе с такой надеждой смотрели ему вслед, что он, доставляя им удовольствие, старательно похрапел у себя в комнате, пока не уснул на самом деле. Алла говорила с Мариной Евгеньевной обо всем. О своем браке, о работе. Потом вдруг спросила:

– Что вы думаете о моей маме?

– Очень трудный вопрос, – ответила Марина Евгеньевна. – Давай начнем с того, что тебя беспокоит. Тебя ведь что-то очень беспокоит.

– Она – сумасшедшая, – тихо сказала Алла. – Мне как-то приснилось, что она укусила меня за шею, пила кровь. Она – вампир. Никто этого не знает, но она очень жестоко со мной обращалась, когда я была ребенком. Да и сейчас... Мне кажется, я ей нужна как жертва. Она, конечно, меня любит по-своему, но и ненавидит. Мне с ней страшно. И она такая хитрая, так умеет это скрывать от

других людей. Никто не догадывается.

– Это нельзя скрыть, – мягко сказала Марина Евгеньевна. – Я всегда знала, что у вас что-то не так. Но ты выросла. Ты взрослая, талантливая, сильная...

– Я очень слабая.

– Это не так. Нужно кое-что проанализировать... Ты сказала: она любит и ненавидит. Такой раскол психики бывает при шизофрении. Это страшно звучит, но встречается чаще, чем можно предположить. Ты понимаешь, для меня не новость то, что ты говоришь. Я часто пыталась вызвать на разговор твою маму, и всякий раз был один и тот же результат. Она начинает говорить о тебе как об очень дорогом человеке, потом это все у нее переворачивается, – и оказывается, что она все делает для тебя, а ты вроде этого не стоишь. Извини, что я это тебе сейчас говорю. Просто ты уже взрослая, ты справилась с нелегким разводом, должна многое начать сначала. А выглядишь затравленной, как в детстве. Если твоя мать – психически больной человек, то нам нужно подумать, как спасти твою жизнь. Алла, у меня ощущение, что вопрос стоит именно так.

Глава 5

Они не заметили, как наступил вечер, потому что обе глубоко и тяжело задумались. И вздрогнули от того, что Сергей, появившись на пороге, включил свет.

– Слушай, Алка, – сказал он по-хозяйски. – Наконец-то я вижу тебя в джинсах. Не помню точно, в каком классе тебя переключило и ты стала носить, извиняюсь за выражение, какие-то бабские платья. А до этого ты была самой клевой девчонкой в классе. Помнишь, как ты играла с нами в футбол?

– Конечно, – рассмеялась Алла. У нее была очень красивая улыбка, она освещала лицо, как солнечный луч. – Когда ты стоял на воротах, всегда пропускал гол. Ты и тогда был страшно любопытным и пялился даже на ворон. Расследовал их преступную деятельность... Я всегда, между прочим, носила в школу платья. Джинсы надевала только в те дни, когда физкультура была. И потом мы шли

играть в футбол. Кажется, в восьмом классе мама решила, что неприлично девочке играть с мальчиками в футбол. Наверное, так оно и есть. Тем более ты тогда был в выпускном, и мне с такими мужиками бегать самой страшно было. Как посмотрю на размер кед, – слоны. Искалечат запросто.

– Да, – серьезно сказал Сергей. – Мама, ты не помнишь, в каком классе стала покупать мне обувь в магазине для слонов? Потом это прошло, Алла. Сейчас все нормально, посмотри. У меня идея. Девочке с мальчиками, может, и неприлично играть в футбол, а разведенной женщине с холостым мужчиной – по-моему, в самый раз. Как ты думаешь, мама? Как учительница?

– Ты приглашаешь Аллу поиграть с тобой в футбол? – улыбнулась Марина Евгеньевна. – Мне нравится. Вам обоим полезно побегать на свежем воздухе.

– А пошли! – азартно сказала Алла.

Сергей взял мяч, и они отправились во двор своей бывшей школы. Правда, калитка уже была заперта, пришлось лезть через высокий забор. Им так легко оказалось вернуть прошлое: воздух стал сладким и пряным, как в детстве, движения доставляли бездумную радость, мысли вообще улетели подальше от их беготни. Ноги стали легкими, а из сердца Аллы ушла тяжесть... Наконец, они себя вконец загоняли, и Алла села на траву.

– Все. Сил больше нет. Смысла тоже. Я тебя переигрываю.

– Серьезно? – удивился Сергей. – Я тебя тоже.

– Слушай, давай сходим в одно место. Недалеко, через дом. Расскажу по дороге.

Они опять перелезли через забор и пошли по дорожке к длинному девятиэтажному дому.

– Ты, наверное, не знаешь эту семью, – говорила по дороге Алла. – Ты же давно переехал отсюда. А я заметила этих детей, когда вернулась от мужа. Понимаешь, они жили одни! Две девочки и два мальчика, один совсем малыш – года полтора. Старшая девочка Оля, ей одиннадцать лет, все делала. И в школу ходила, и в магазин, и с детьми выходила. Оказалось, родители у них куда-то

уехали и не вернулись. Деньгами и продуктами соседи немного помогали, потом я, как только познакомилась с ними. Однажды младших детей забрали в интернат. Оля осталась в квартире одна. На самом деле считалось, что она живет с бабушкой по линии матери, которая и является владелицей квартиры. Соседи мне сказали, что младших детей забрали именно по ее заявлению, временно, до приезда родителей. Она написала в службу опеки, что не справляется с таким количеством детей. А сама уехала в свой загородный особняк, там у нее муж. В общем, она, скорее всего, заплатила кому-то. А Оля еще и ее квартиру стерегла. Она ходила к нам домой, я к ней, мы с ней ездили навещать сестру и братьев... Короче, ее нет уже несколько дней. Телефон домашний не отвечает, мобильный недоступен.

- Сейчас каникулы. У нее, наверное, есть еще бабушки-дедушки? Наверняка ее к себе взяли.

- Есть. Но я не знаю, где они живут. И я не понимаю, почему она мне не сказала.

- Может, тоже не дозвонилась.

- Может. Или приходила, а мама мне не передала. Матери не нравилось, что она к нам ходит.

Сергей внимательно посмотрел на Аллу.

- Мы идем проверять, не вернулась ли Оля?

- Да. Телефон могли отключить за неуплату, к примеру. На мобильнике могли деньги кончиться... Понимаешь, это очень необыкновенный ребенок. Красивая маленькая девочка, как Мальвина, с длинными, почти белыми волосами. И - практически взрослый, ответственный человек. Она бы побоялась надолго уехать. Она все время ждала родителей.

- Что за родители?

- Я ничего о них не знаю. Она сама не знала, где отец работает. Мать - домохозяйка. Бедные. А бабушка богатая! При этом Оля умудряется хорошо учиться. Я подарила ей ноутбук на день рождения, подключили Интернет... Она

была счастлива. Даже гулять не хотела. Сидела за компом. Как-то странно...

Они подошли к подъезду, Алла набрала номер квартиры по домофону, никто не ответил. Подождали, пока кто-то из жильцов вышел, попросили не закрывать дверь, поднялись на третий этаж. Долго звонили в квартиру. Открылась другая дверь на площадке.

- Алла, - сказала соседка, - Оли нет.

- Здравствуйте, Валентина Петровна. Не знаете, за ней кто-нибудь из родственников приехал?

- Может, и приехал. Только я никого не видела.

- Я напишу вам свой номер телефона, хорошо? Позвоните мне, пожалуйста, когда Оля вернется.

- Давай. Позвоню, конечно.

Они вышли в совсем уже темный двор. Алла была расстроена.

- У меня есть ключ от ее квартиры. Просто я не знала, что мы с тобой туда пойдём, и не взяла его. Представляю, какой идиоткой я тебе кажусь, - горько сказала она Сергею. - Взялась опекать ребенка. Ничего не узнала. Ни где работал отец, ни где живут бабушка и дедушка. Точнее, муж бабушки. Оле он не дед. Поеду завтра в интернат к другим детям. Может, Оля к ним приезжала.

- Не переживай. Это все можно узнать.

- Да? - с надеждой спросила Алла.

Они шли к ее дому по узкой дорожке между высокими деревьями, как ходили когда-то после школы.

- Ты привязалась к этому ребенку, - утвердительно сказал Сергей.

– Сначала я их всех просто пожалела. А потом... Знаешь, как у меня получилось. Сначала муж не хотел детей. Потом я уже не хотела от него. И привязалась, как ты говоришь, к Оле. Она уже есть, с ней все понятно. Она умненькая, чувствительная, благодарная, интересная... Никогда нельзя быть уверенной, что у тебя родится такой удачный ребенок. Мне стало казаться... Мне иногда казалось, что она моя дочка. Говорю это первый раз, почему-то только тебе: я решила, если вдруг с ее родителями что-то случилось, я Олю удочерю. Мне хочется ее охранять. У малышей есть шансы, что их возьмет кто-то еще. Оля... Она не всем подойдет. И ей мало кто подойдет. Я непонятно, наверное, говорю. Но она необычная.

– Я понял. И ты необычная. В этом дело.

– И потом ее очень опасно выпускать из виду: она слишком хорошенькая, а люди сейчас такие чудовища... Боже! Вдруг с ней что-то случилось?

– Будем узнавать... Хороший отпуск устроили вы мне с мамой.

– А что не так сделала Марина Евгеньевна?

– Да ничего... Я это к слову. Она меня слишком часто будит и недостаточно часто кормит.

Рассказывать о находке мамы в данной ситуации было неуместно, мягко говоря. Но ситуацию с ребенком нужно прояснить. Они вошли во двор дома Аллы, встали под старой яблоней. Сергей сорвал зеленое яблоко, откусил и выбросил.

– Гадость. А была маленькая надежда, что оно вкусное.

– Ты всегда любил зеленые яблоки, – улыбнулась Алла.

Сергей уверенно и мягко обнял ее, заглянул в темные глаза, тихо произнес:

– Никак не было случая тебе сказать. Твой муж не стоил твоего мизинца. И бизнес его – фуфло, я поинтересовался. Я очень рад, что ты поступила как свободная женщина. И вовремя. Ты ж могла убить на него всю жизнь. С твоей-то порядочностью.

И он поцеловал ее долгим откровенным мужским поцелуем. Алла обняла его за шею и то ли выдохнула, то ли промурлыкала в ухо:

– Как же с тобой легко и просто. И какой ты красивый. Мы всегда будем с тобой только друзьями, только футболистами, потому что я не хочу тебя терять.

– Прокурор потребовал пожизненного срока, – вполне жизнерадостно прокомментировал Сергей.

Она вбежала в свой подъезд, чувствуя себя легкой и желанной. В квартире свет горел только в комнате мамы. Алла сначала вошла к себе, включила бра. Потом постояла, подумала, на лбу появились две глубокие морщины. Она решительно открыла дверь спальни матери. Та лежала в постели и подняла на нее глаза, опустив книгу, которую читала.

– Мама, Оля приходила без меня?

– Я должна это помнить? – холодно ответила вопросом мать. – Приходила ли эта твоя подобрашка? Достаточно того, что я всякий раз мою пол с хлоркой после ее визита.

– Ты себя слышишь? Какая подобрашка, какая хлорка? Ты выживаешь из ума! Оля чище тебя! – Алла почти кричала на мать впервые в жизни. Это подействовало. Нина Ивановна сказала почти примирительно:

– Я всего лишь имею в виду, что мой организм восприимчив к микробам. Может, она и приходила, твоя Оля. Я не могу это помнить. У меня свои заботы.

Алла быстро вышла из ее комнаты, вернулась к себе, постояла, сжав руки. Они дрожали. Она никогда не могла постоять за себя, но за Олю она постоит. Но где девочка?

Приглушенная мелодия телефона втерлась в тягостный сон Аллы, который все не кончался, в нем не было сюжета, только темные коридоры, пустые пространства, растерянность и одиночество. Наконец она сумела вытащить себя из него и взяла трубку.

- Ты что, спишь? – спросила бывшая одноклассница и соседка по дому Тамара.

- Ты всегда звонишь в такое время и задаешь этот вопрос, – постаралась терпеливо ответить Алла. Тамара была немножко, что называется, тормознутой. – Я спала, но раз ответила, значит, проснулась. Спасибо, что разбудила. Пора собираться на работу.

- Пожалуйста, – вежливо ответила Тамара. – Слушай, а я видела!

- Что?

- Как ты с Сережкой Кольцовым вчера целовалась. Вы чего? Вы того, что ли? Как ты быстро. Вроде только развелась. И он тут как тут...

- Тамара, мы поцеловались по дружбе, понимаешь? Обрадовались встрече.

- Понимаю. Конечно, обрадовались. Мы с ним тоже обрадовались встрече на днях. Только со мной он почему-то не целовался.

- Том, давай поговорим в другой раз, ладно? Мне бы умыться.

- Ладно, умывайся. А чего он здесь ошивается? Из-за этого трупа, что ли?

- Не поняла. Ты о чем?

- Ты не знаешь??? Ничего себе! Так целовались, что он тебе самое интересное не сказал. Его мать и моя знакомая, ты ее знаешь, она в соседнем доме живет, – Вера, – они труп нашли! Мне сама Вера и рассказала. Сережка кого-то вызвал, труп увезли. Я спросить хотела: а там кто? Вера говорит: в тряпку какую-то завернут был.

– Что? Ерунда какая-то. Я почти целый день провела у Кольцовых. Разговаривала с Мариной Евгеньевной, потом с Сережей... Ты что-то путаешь.

– Ты точно проснулась? Я ж говорю: Вера, моя знакомая, с Сережкиной мамой, Мариной Евгеньевной, шли из нашего магазина. Под деревом лежало что-то, похожее на труп. Сережа кого-то вызвал, так оно и оказалось. Я вас увидела вчера, сегодня с Верой поговорила, мы подумали, ты знаешь, кто там... Вдруг кто-то знакомый.

– Я не знаю, Тамара, – сказала Алла, почти теряя сознание. – Он мне ничего не сказал. Извини, я сейчас не могу говорить. Я позвоню, если что-то узнаю...

Алла разъединилась. Комната кружилась вокруг нее. А нужно было удержать мысль. Почему они от нее это скрыли? Сережа всегда все знает. Он знал о том, что она ищет Олю, что она ее опекала... А если это... Других объяснений нет. Надо ему позвонить. Но ей так страшно, что... Лучше неизвестность. Она не сможет этого вынести. И тут раздался звонок. Это был Сережа. Алла смотрела на дисплей телефона и собирала все силы, чтобы сказать: «Да».

– Привет. Кажется, я тебя не разбудил. Но голос у тебя... Что случилось?

– Мне позвонила Тамара Назарова. Она сказала про какой-то труп...

– Понятно. Назарова всегда бежала впереди паровоза. При этом умудрялась оставаться двоечницей. Алла, это правда. Моя мама и ее знакомая нашли тело убитого и расчлененного человека. Находку забрали эксперты. Звоню именно по этому поводу. Главное! Это взрослая женщина! Поняла? Это не Оля! Оля наверняка у бабушки с дедушкой... Слушай, ты плачешь? Возьми себя в руки. Нужно кое-что сделать. Взять из Олиной квартиры фото ее матери. Ну, и отца. Это возможно?

– Да, – всхлипнула Алла. – Ты где?

– На диване.

– Хорошо. Я соберусь и перезвоню. Мне еще нужно с работы отпроситься, купить чего-то малышам и съездить в интернат.

– Я отвезу тебя. Не торопись. Я еще посплю.

Алла вошла на кухню уже одетой. На ней, как и вчера, были джинсы и майка. Нина Ивановна медленно и тщательно пережевывала тосты, запивая их через равные промежутки времени глотком кофе с молоком.

– Мама, – сказала Алла. – Я ищу Олю. Тебе придется ответить на мои вопросы. Приходила ли она к нам без меня? Потрудись вспомнить. Когда это было? Что она сказала?

– Что за тон! Я не могу вспомнить. У меня достаточно своих проблем. Моя дочь живет, как ей вздумается. Как ты одета? Где ты шлялась вчера допоздна? Куда ты собралась в таком виде?

– А давай я отвечу в твоём стиле, хорошо? У меня тоже достаточно проблем. Мне некогда отвечать на твои вопросы. И я считаю, что ты могла совершить какое-то преступление. Это так легко: заплатить кому-то, чтобы увезли ребенка... Ну, хоть в далекий детский дом. Я сейчас встречаюсь с частным детективом. Мы будем искать Олю. Если тебе есть что сказать – лучше скажи.

– Ты мне угрожаешь?

– Чем? Я просто говорю, что будет лучше, если ты перестанешь что-то скрывать. Ты маниакально скрытный человек. Я за всю жизнь так и не смогла добиться хоть какой-то информации о своём отце. У меня же был отец, как ни крути! А сейчас ты не хотела, чтобы к нам ходила Оля. Чтобы я её не любила. Это ведь правда?

– Да. Ты на третьем десятке, а совершаешь только глупые поступки.

– Ты что-то предпринимала, мама?

Нина Ивановна, по обыкновению, смотрела мимо неё в стену молча и непримиримо. Алла поняла, что тратить время бессмысленно. Она просто сказала:

– Мне нужны деньги. Я еду в интернат.

- Денег нет, - ответила мать.

- То есть как? Я приношу и отдаю тебе практически всю свою зарплату и гонорар. Это немаленькая сумма. Ты много тратишь на врачей и лекарства, мы покупаем еду, но у нас должны оставаться деньги.

Алла резко повернулась и направилась в комнату матери, где стояло бюро. Деньги она обычно складывала туда. Нина Ивановна вскочила с места, чуть не сбила ее с ног, опередила и встала перед бюро.

- Ты ничего не получишь!

- Смешно, - серьезно произнесла Алла. - Это ты теперь будешь получать столько, сколько попросишь. Но это будет не вся моя зарплата. Мама, зарабатываю именно я. Хотя никто тебе не мешает делать то же самое. Бухгалтеры нужны всегда. Но это как ты хочешь. А сейчас отойди, пожалуйста. Знаешь, я вчера играла в футбол с Сережей Кольцовым из нашей школы. Я играла с мальчиками в футбол до восьмого класса, пока ты не запретила. И вот о чем я подумала. Я ведь тогда уже была физически сильнее тебя. И дрожала при виде твоих ремней, веревок, которыми ты связывала мне руки. Это кончилось, сообрази! Я не могла постоять за себя, но за ребенка, который мне дорог, я поборюсь. И я узнаю, если ты совершила что-то ужасное. Ты кажешься мне сумасшедшей. И это единственное, что тебя как-то оправдывает. Ты не то лечишь!

Нина Ивановна побелела. В мозгу заметались мысли. Что делать? Это то, чего она всю жизнь опасалась. Дочка перестала ее бояться. А другого варианта отношений она не знала. А вдруг Алла начнет мстить? А вдруг... Боже! Она может забрать деньги, она может их больше ей не давать, дочь может притащить чужих детей, вызвать санитаров... Запереть ее где-то. Она же сказала, что сильнее физически...

Алла посмотрела на мать почти с жалостью. Почти. Она бы, как всегда, отступила, сдалась. Просто речь идет не о ней. И она легко отодвинула мать от ящика, выдвинула его, посмотрела на несколько плотных пачек пятидесятирублевых купюр, аккуратно разложенных в ряд. Взяла примерно половину, сунула в сумку и вылетела из квартиры, дома, где выросла, с чувством отвращения к себе самой, к этому дому, к своей жалкой жизни маминой рабыни, которая только раз

перешла в рабство к мужу, быстро ставшему постылым. Сейчас у нее есть цель, дело, и так просто оказалось раздвинуть темные шторы своей безрадостно скудной судьбы. Все еще будет. Ее же поцеловал вчера Сережа Кольцов, в которого была влюблена вся школа, включая учительниц.

Глава 7

Тамара видела в окно, как из подъезда вылетела Алла и побежала куда-то. Она смотрела на ее узкую спину, тонкие ноги в обтягивающих джинсах, хвостик из негустых темных волос и удивлялась. Алла почти не изменилась со школы. Сойдет за несовершеннолетнюю. И лицо то же – бледное, худое, только глазищи темные торчат. Разве это женщина? Вот как понять мужчин? Алку сразу после института выхватил бизнесмен. Ну, потом выгнал, наверное, хотя все говорят, что она сама ушла, но это другой вопрос. За ней бегали ребята в школе, хотя она всегда была похожа на монашку. Ей мать даже краситься не разрешала. Да и сейчас... А главное, Кольцов с ней вздумал целоваться! Совсем, что ли, крышу у него снесло от следопытства? Не то чтобы он нравился Тамаре, просто обидно. То есть он ей, конечно, нравился, как и многим, а смысл? Как-то всем было ясно, что тут ловить нечего. У него еще в школе были крутые романы: то с балериной, то с пианисткой, то с дочерью самых богатых родителей в их школе, он эту девчонку, кстати, бросил, как и всех предыдущих. На самом деле было, конечно, что-то и между ними – так считала Тамара. Он пригласил ее танцевать на школьном вечере. Потом проводил домой. Она на следующее утро ждала его у их класса, подлетела к нему, счастливая, ожидая предложений, а он вообще не понял, в чем дело. После школы пошел с другими девчонками, с отличницами, которые ее не замечали. Она плакала дома. Пожаловалась маме. Та, вечно усталая и удрученная, погладила ее по голове.

– Не реви. Твое счастье, что ты не успела в него влюбиться, что не обидел, не посмеялся и вообще... Знаешь, поговорка такая есть: «Красивый муж – это чужой муж».

– В каком смысле? – спросила Тамара.

– Изменяет, – объяснила мать. – Оно тебе надо?

Тамара тогда удивленно уставилась на нее. Че это она? Ей вроде отец не изменяет. Ему просто не до того. Он – охранник. Приходит с работы, поест, телик посмотрит под рюмочку – и спать. Никому не мешает. Ошибкой своих родителей Тамара считала своего брата, на год ее моложе. Кому нужна была такая спешка. Вот и вырос полный придурок. Он всегда был нахальным, противным и жадным. Сейчас устроился на какую-то фирму, Тамара точно не знает кем. Просто неинтересно. Что это за фирма такая, если ей нужны сотрудники, которые носят рубашки в цветочек, а волосы завязывают сзади, как не знаю кто. Они у Генки длиннее, чем у Аллы. Между лопаток болтается жирный хвост. Рожа – со спины видать. Все время ест. А они ему машину купили! Тамара была в шоке. Сначала мотоцикл у него был, сейчас машина. А она на свою зарплату в «Ашане» еще еду домой приносит. Ей мать жалко. Та всегда замученная, потому что мужики в семье... Не мужики никакие. Тамаре такие мужья и даром не нужны. За ней в магазине кое-кто приударяет. Но все не то. Всякие интересные брюнеты и блондины, которые покупают все самое лучшее, несут в дорогушие тачки, – они ее в упор не замечают. Как будто она невидимка. Тамара подошла к зеркалу. Она себе нравилась. И мама говорит, что она симпатичная. Конечно, кто-то называет ее толстой, но она просто в теле. У нее есть то, что должно быть у женщины. Не пигалица, как Алла. И лицо: круглое, румяное, хорошие зубы, ямочки на щеках. Глаза, конечно, могли бы быть побольше. Но, с другой стороны, зачем? Чтоб тарашиться, как привидение?

Разложив все по полочкам, как она любила, Тамара с удовольствием зевнула и подумала: что лучше – поспать или поесть? У нее был выходной. Она вышла из своей комнаты, пошла на кухню, открыла холодильник и стала задумчиво изучать его содержимое. И вдруг ее кто-то сзади обхватил, сжал полуоткрытую в вырезе летнего халата грудь. Что значит, кто-то? Этот придурок! Тамара, не оборачиваясь, двинула локтем братцу прямо в нос.

– Ты что! Свихнулась совсем? – взвыл он. – Корова бешеная. Я пошутил! Ты мне нос разбила. Кровь идет!

– Ты не помираешь от этого? – спокойно спросила Тамара, доставая коробку яиц, масло и сыр.

Генка похлопал носом, смыл кровь с лица под краном и попросил как ни в чем не бывало:

– Сделай и мне яичницу с сыром.

– Больше ничего не хочешь? Я в магазине каждый день стою на рубке мяса, еще и в выходной буду кого-то обслуживать. Сам себе делай! Машину тебе купили, а не мне. А продукты я приношу. Для себя и родителей. Что-то я не видела, чтоб ты что-то в дом приносил. Только выносишь.

– Какая ж ты, – сплюнул в раковину брат, – вот никто замуж и не берет. Зайду лучше в кафешку нашу. Там хоть нормальные бабы работают.

– Давай, – сказала Тамара. – Может, тебя кто возьмет. Может, переедешь отсюда, а то мать уже загонял. Дай-подай, все сразу...

Геннадий пошел в свою комнату, достал очередную пеструю рубашку, переоделся, грязную бросил в бак в ванной. Громко и демонстративно хлопнул входной дверью. Тамара сделала себе омлет с сыром, намазала маслом приличный кусок белого хлеба, порезала помидор, села и стала есть медленно, со вкусом. Потом так же обстоятельно взбила молочный коктейль с мороженым и свежей клубникой.

– Мам, – крикнула она. – Иди сюда, я коктейль сделала.

Мать вошла, взяла стакан, благодарно улыбнулась, устало опустилась рядом.

– Гена ушел? Он поел? Не знаю прямо. Он, наверное, дерется с кем-то. Доставала сейчас рубашки его из бака, некоторые в крови...

– Это я ему нос разбила. Лез.

– Что ты такое говоришь! Он шутит. А ты сразу – в нос! И часто ты это делаешь?

– Один раз. В смысле – первый. Сейчас.

– А кровь и на других рубашках есть. Наверное, все-таки дерется.

Она тонула в болоте. Задышалась, пыталась кричать, но голос пропал. Наконец схватилась за какую-то ветку, которая появилась неизвестно откуда, подтянулась, начала выбираться, почувствовала под ногами дно... Силы кончались. Она ползла по вязкой грязи, как змея. Выбралась на берег и повалилась на сухую потрескавшуюся землю без единой травинки. Провела руками по волосам: залеплены грязью. Она стала их раздирать непослушными пальцами и с ужасом почувствовала, как целые пряди остаются у нее в руках.

- Ты чего? - потряс Татьяну муж, дохнув на нее привычным запахом перегара. - Мычишь, как будто тебя режут.

Татьяна открыла воспаленные глаза и вздохнула глубоко.

- Спи, Коля. Просто сон плохой.

Муж повернулся к ней спиной и тут же ровно задышал. Татьяна приподнялась на локте и прислушалась. У нее был от природы чуткий слух и еще одно приобретенное качество. Она сразу слышала и понимала, что происходит в разных комнатах их квартиры, кто и чем занят. Кто дома, кого - нет. Дочь Тамара похрапывала в своей спальне, лежа на спине. Татьяна иногда вставала и шептала ей, чтобы повернулась на бок. Нехорошо, когда девушка храпит. Она встала и сейчас, открыла дверь в комнату Тамары, та действительно лежала на спине с открытым ртом. Татьяна передумала ее будить. Пусть спит, как ей слаще. Какая у нее жизнь: дом да работа. Флегматичная, покладистая, не очень умная, зато не ленивая, заботливая, - Тамара всю жизнь у них на втором плане. Старшая сестра. Когда она родилась, Коля был так расстроен, разочарован. Ему нужен был только сын. Татьяна даже испугалась, что он дочку не будет любить, может, вообще возненавидит. И они решились! И получилось! Всего через год у них родился здоровый крупный малыш. Назвали Геннадием. Коля ей тогда сказал: «Вот теперь я - настоящий мужчина». У них было трудное время: двое маленьких детей, но они тогда были счастливы. Коля решил, что она не будет работать вообще. Сам стал хвататься за любой заработок. У него золотые руки, просто как-то не до образования было. Работал и ремонтником, и строителем, по выходным еще и бомбил на своей машине. Он хорошо обеспечивал семью, Татьяна с детьми отдыхала на море, в доме было все, что нужно. Но думал Коля только о будущем сына. Он хотел, чтобы тот стал военным, сделал карьеру... В общем, он хотел видеть в сыне то, чего не было у него самого. Тамара с детства поняла, что она всего лишь старшая сестра, в семье главный - Гена. Принимала

это как должное, всегда могла заменить мать. И купала брата, и кормила. Потом научилась квартиру убирать, готовить. Училась неважно. Но их это не особенно волновало. Ясно было, что институты ей не светят. Счастье кончилось неожиданно и странно. Что-то пошло не так. Хотя они долго в этом друг другу не признавались.

Тома была очень предсказуемым, управляемым ребенком. Гена – веселым, активным, своенравным. Поначалу им это очень нравилось. Таким и должен быть мальчик. Потом начались проблемы. Как-то Татьяна с Тамарой возвращались домой из магазина и увидели у подъезда красивую белую кошку с большим животом.

– Господи, – сказала Татьяна. – Она ж тут родит.

– Мам, – взмолилась Тамара. – Давай возьмем. У нее будут белые котятки. Они такие красивые.

– Давай, – согласилась Татьяна. – Раздадим потом, не оставлять же ее здесь.

Коля немного поворчал, когда они притащили кошку. Гена очень обрадовался. Все спрашивал, когда будут котятки. Они родились через несколько дней. Дети целыми днями сидели и смотрели, как они сосут мать, как ползают. Как-то Татьяна вошла в кухню, где за ширмой находилось кошачье семейство, в тот момент, когда Гена пытался открыть котенку глазки. Она объяснила ему, что этого делать нельзя, глаза должны открыться сами. Котята прозрели, стали смешными, пушистыми, Татьяна уже подыскивала им хозяев, дети просили: пусть побудут у нас... А потом это случилось.

Татьяна встала рано утром и поразилась какой-то странной тишине в квартире. Сразу выскочила на кухню. Там, на всех крючках для полотенец, на ручках шкафчиков и даже на подлокотнике кресла были повешены все шесть котят. На петлях из лески. Кошка-мама лежала посреди кухни с разрезанным животом. Татьяна разбудила мужа. Он смотрел на все хмуро, потом сказал:

– Ты только не сходи с ума. Он – ребенок. Для него это игрушки. Надо все убрать.

– Что я скажу Томе? – заплакала Татьяна.

- Придумай что-нибудь, - пожал плечами муж.

Она убрала, закопала всех в сквере за домом, что-то придумала для Тамары. Это было несложно: девочка ей верила во всем. А с Геной разговор не получился. Он смеялся. Именно это ее так испугало, что она, скрыв от мужа, повела его к детскому психиатру. Тот долго с Геной разговаривал, стучал по коленке, заставлял что-то рисовать, показывал разные картинки и спрашивал, что он видит... Потом сказал: «Выйди в коридор и подожди маму там».

- Что? - спросила Татьяна, когда они с доктором остались одни.

- Ничего особенного, - сказал тот. - Я не стал бы драматизировать. То, о чем вы рассказали, можно трактовать даже как детскую любознательность: а что будет, если сделать так? По тестам - он психически здоров.

- Может, ему попить какие-то лекарства от нервов? - спросила Татьяна.

Доктор рассмеялся.

- Какие лекарства. У вашего ребенка нет нервов. От этого нет лекарств. И это не так уж плохо. Ему не грозят депрессии и стрессы. Если направить его энергию в нужное русло, он может далеко пойти. Я такой тип личности знаю, он называется: «Нет проблем». Советую вам выбросить из головы историю с кошками, животных дома больше не держать, могу вам выписать успокоительное.

Они стали жить как раньше. Вроде бы все забыли эту историю. Тамара точно забыла. Коля продолжал работать как заведенный. На его деньги все лучшее покупали Гене. Лучший велосипед, мобильник, планшетник, компьютер, потом мотоцикл, потом еще и еще... Потребности росли. А по ночам Татьяне стали сниться вот такие страшные сны. Коля начал выпивать и почти перестал разговаривать дома. И дело, конечно, не в той давней истории, а в том, что у их сына действительно нет не только нервов, но и любви ни к кому из них. Он все время чего-то хотел, он никогда не истерил и не скандалил, но, если бы они ему помешали, он бы их отбросил и переступил. Она чувствовала постоянный холодок в сердце, Коля просто тупел на глазах. Когда Гена поступил в военное училище, Коля устроился охранником на закрытое предприятие, зарплата его устраивала, а рваться, чтобы еще подработать, он перестал. Из училища Гену

выгнали за драку. Но он нисколько не расстроился, а самостоятельно и очень быстро устроился в какую-то «крутую» и непонятную фирму. Из тех, что ничего не производят и даже ничего не продают. Денег его они не видели. Наоборот: постоянно давали ему. Не так давно Татьяна, как всегда, под утро пошла на звук, приоткрыла дверь его комнаты, увидела сына на кровати с девушкой. Она стояла и смотрела. Гена и девушку не любил. Он использовал ее как неодушевленный предмет, поскольку сам был неодушевленным. Татьяна тогда сделала открытие: половина ее жизни ушла на то, чтобы родить и вырастить вот это существо. Он не совсем человек. Значит, остальную часть жизни ей надо быть готовой ко всему.

В эту ночь его дома не было. Так часто случалось. Татьяне даже не приходилось заходить в его комнату, чтобы в этом убедиться.

Глава 9

Сергей вылез из машины и пошел навстречу Алле. Она появилась из подъезда, в котором жила Оля.

– Привет. Что-нибудь получилось?

– Ой, – прерывисто вздохнула Алла. – Я там тряслась почему-то. Боялась, что кто-то войдет... Ее родители или убийцы... Рылась в чужих бумагах. Не знаю, взяла какие-то документы, альбома с фотографиями у них не нашла. Только в ящике стола завалялась бледная любительская фотка. Мать, отец, Оля и кто-то совсем маленький у матери на руках. Я даже не поняла. Наверное, нам она не поможет, так как все нечетко...

– Пошли в машину, – предложил Сергей. – Успокойся. Разберемся. Я уже пробил их квартиру. Да, она принадлежит Олиной бабушке, мать зарегистрирована давно, в смысле – там родилась, отец – недавно. Он из Молдавии приехал. Он точно родной отец?

– Я не знаю.

– Может, кому-то и родной. Другой недвижимости на бабушку я не нашел, значит, она живет в доме мужа. Пока не выяснил где. Она овдовела давно, второй брак, вероятно, гражданский.

– Ужас. Какая путаница.

– Никакой путаницы. В любой семье свои нюансы. Алла, пить не хочешь? – Они уже сидели в машине, и Сергей достал из бара две бутылочки тоника.

– Не знаю. Дай. А что?

– В каком смысле – что? Чего ты боишься? Сначала выпей, потом я тебе кое-что объясню.

Алла сделала несколько глотков, не отводя от Сергея испуганных, огромных, застывших, как темные озера, глаз.

– Мы едем сейчас к эксперту, – Сергей смотрел на дорогу. – Фото ему дадим на всякий случай. Я потом найду нормальные снимки. Может, ты что-то сумеешь подсказать Александру Васильевичу – так зовут эксперта. Ты видела их близко когда-нибудь, этих родителей?

– Наверное, просто не знала, что это они. Я услышала об этой истории, когда дети одни остались... Сейчас увидела родителей на фото, но я слишком волнуюсь: не могу понять, встречала я их или нет.

– Слушай, перестань сжигать меня взглядом, я все-таки за рулем. Ты – журналистка, должна понимать, что экспертиза – это не слишком легкая для нервов процедура. Поэтому сделай что-нибудь со своими нервами, пожалуйста. Дело в том, что опознание пока вообще невозможно. Мы нашли сверток с расчлененным телом женщины, но там нет головы.

– Ой!

– Так часто бывает. Без головы нет дела. Пришлось просить разных отзывчивых ребят, в общем, поиски ведутся. Скорее всего, она в вашем районе. Мусорки, свалка – все надо обследовать.

- Ой!

- Прекрати! Ты кликушей становишься. Пока это не имеет никакого отношения ни к исчезновению Олиных родителей – все-таки времени много прошло, – ни к тому, что нет дома ее самой. Мы исключаем один из вариантов, понимаешь?

- Да.

- Ты отдашь нам все, что нашла, Масленников рассмотрит фото, вдруг там есть особые приметы: родимое пятно заметное, татуировка. Качество он сможет улучшить. И все. А потом ты вроде к детям собралась?

- Да.

- Какая ты сегодня разговорчивая. Поедем вместе. Купим, что надо, ты к ним пойдешь, а я тебя подожду, потом домой отвезу. Алла, что с тобой? Ты как натянутая струна. У меня такое впечатление, что ты сейчас со звоном лопнешь.

- Правильное впечатление. Я хочу сказать. Сережа, я подозреваю свою мать в том, что она что-то сделала с Олей. Ну, не убила, конечно. Но девочка ей очень мешала. Мать могла кому-то заплатить, чтобы ее увезли. Или куда-то подальше в детский дом, или просто где-то высадили и бросили за Кольцевой, или... Не могу продолжать, ты сам понимаешь, какие варианты возможны. Оля – очень доверчивая, контактная девочка. Если ей кто-то скажет: там тебя ждет, к примеру, мама, папа, бабушка, – она спокойно сядет в машину.

- Ты считаешь, что Нина Ивановна могла на такое пойти?

- Да. Она – сумасшедшая. Скрытная, для всех тихая, правильная, а на самом деле – маньячка. Даже твоя мама сказала, что у нее, возможно, шизофрения. Она, оказывается, пыталась с ней разговаривать по поводу меня, когда мы учились в школе. Без толку.

- Моя мама слишком верит в непогрешимость разных теорий, диагнозов – медицинских и психологических. А человек на самом деле – это каша из того, пятого, десятого, двадцатого. В одних обстоятельствах – шизофреник, при других – трусливый агрессор, иногда – отчаянный придурок, иногда –

обыкновенный убийца. Это все, разумеется, не имеет никакого отношения к твоей матери. Я просто вспомнил разные типажи. Значит, ты считаешь, что Нина Ивановна могла так глупо поступить?

- Так подло. Да.

- Как, ты думаешь, ее можно заставить сказать правду?

- Это невозможно. Она - лживый человек в такой степени, что сама верит в свою ложь.

- Не знал, что у вас столь теплые отношения. Мы приехали.

Александр Васильевич встретил их в коридоре, провел в свой кабинет, взял у Аллы фото и документы и сказал ей сочувственно:

- Я в курсе вашей проблемы. Надеюсь, с девочкой все быстро разрешится, как только Сережа найдет адрес дедушки. Это обычное препятствие - незарегистрированный брак. Просто дело техники. И фото посмотрим для закрытия болезненной для вас версии. Мы узнавали. Уехали родители Оли - Полина и Анатолий Марчук - полгода назад. По заявлению матери Полины объявлялись в розыск. Их не нашли, как вы знаете. Полагаю, не особенно искали. Возможно, они где-то на заработках. Хотели поехать ненадолго, но задержались. Конечно, с ними могло что-то случиться. Вероятность, что убитая женщина может быть матерью Оли, очень мала. Даже не совсем вероятность, так как Полина вряд ли могла находиться столько времени в вашем районе и только сейчас погибнуть. Но на этом этапе мы ничего не исключаем.

- Я понимаю, - кивнула Алла. - Я буду делать все, что вы скажете.

- Хорошо иметь дело с Кольцовым, - улыбнулся Масленников. - Симпатичные девушки становятся нашими коллегами. Очень рад знакомству.

Почему-то из лаборатории Масленникова Алла вышла обнадеженная. Она порозовела, торопила Сергея. Ей вдруг показалось, что сейчас все решится. Оля могла не успеть сообщить ей о своем отъезде, но к братьям и сестричке она обязательно должна заехать. Они пометались по «Ашану», закупили кучу всяких

вкусных вещей и игрушек. Поехали к интернату.

- К нему надо идти дворами, - объясняла Алла. - Выйдем у школы, поставим там машину, потом минуем всякие бойлерные, гаражи - и увидим небольшой обшарпанный дом. Но внутри у них ничего, чисто, ремонт сделали...

Они вышли из машины со своими свертками и сумками. У школьных ворот стоял высокий красивый фонарь на столбе, покрашенном в белый цвет. Они взглянули на него и расхохотались. На этом столбе было нарисовано ярко-розовое сердце, а на нем надпись крупными буквами: «Анна Юрьевна сука».

- Лихо, - сказал Сергей. - Любовь наотмашь.

- Да, мне даже стало интересно на нее посмотреть. Соответствует ли характеристика действительности?

- Какие проблемы? Приедем первого сентября, оценим объективность автора.

Они прошли все дворы, Алла позвонила в ворота интерната, ей открыли (у нее был постоянный пропуск, как у волонтера), она забрала сумки у Сергея и легко побежала по двору. Картина маслом на столбе показалась ей хорошим знаком. Сейчас все выяснится.

...Она вышла через час. Сергей ждал, сидя на траве под деревом. Алла остановилась перед ним, и можно было ничего не говорить. Все стало ясно по ее лицу. Он вздохнул и поднялся.

- Оля не приезжала к ним, - произнес он. - Алла, остается масса вариантов и причин, по которым она этого не сделала. Я найду сегодня ночью адрес особняка, где живет бабушка Оли, телефоны, мы позвоним или сразу поедем...

- Да, конечно. Спасибо, - сказала Алла. - Просто это очень плохо.

Марина Евгеньевна была из тех людей, которым никогда не бывает скучно в одиночестве. Наоборот, она очень ценила уединение, оно иногда становилось самым плодотворным временем в ее жизни. Только так можно подумать о чем-то сокровенном, сделать серьезную работу, разобраться в себе. Оставив школу, она иногда бралась за репетиторство, помогала будущим педагогам писать дипломы, аспирантам педвузов – диссертации. Если по правде, то она просто иногда делала это за них. Качество никак не соответствовало скромной цене. Марина Евгеньевна могла написать работу и бесплатно, если соискатель был небогат и увлечен. Она не сомневалась, что задаст нужный уровень, планку, с которой он пойдет дальше сам. Или с ее помощью. Ее удовлетворение от чужого успеха, собственное наслаждение от творчества (а это всегда было творчеством, никогда не повторявшимся поиском) она ценила высоко. Как говорил Сережа: «Мама, а тебе не хочется им платить за то, что ты из них кандидатов-докторов делаешь?» Он, как всегда, точно понимал ее настрой. Да, она была благодарна за возможность выражения, причем в разных направлениях, разных лицах. Защищаться самой ей никогда почему-то не хотелось. Смолоду все вдохновение было отдано школе, ученикам, сыну...

Они давно уже не живут вместе. Но когда он приезжает вот в такой отпуск, который сам себе придумал, – она не скучает, мягко говоря, по своему уединению. Она скучает по Сереже каждую минуту его отсутствия. Сейчас он поехал с Аллочкой по делам. Это она, Марина Евгеньевна, втянула всех в этот ужас с расследованием, догадками, подозрениями, страхами. Алла ищет девочку Олю. Марина Евгеньевна, конечно, встречала ее, она всех детей запоминает сразу. Очень красивая, необычная девочка. Длинные белые волосы, синие глаза, ямочки на подбородке и на щеках, когда улыбается. И такая, как выяснилось, тяжелая, взрослая жизнь. Как это – пропали родители? Как такое может быть? Почему их не нашли? Или не искал никто? Жизнь стала слишком сложной для взрослых, как же с ней справляться детям? Марина Евгеньевна подумала, что ждать Сергея придется долго, нужно выйти хотя бы в магазин. Когда он дома, ей не хочется разлучаться даже на короткое время.

Она переоделась, причесалась, взяла небольшую хозяйственную сумку, вышла из дома и с удовольствием подставила лицо солнцу. Да, «лето – это маленькая жизнь». Очень скоро его начнешь вспоминать как стремительно улетевший сверкающий праздник, когда вернутся бесконечные московские слякоть, гололед и холода. Марина Евгеньевна не любила уезжать из Москвы. Хотя очень любила море. Но она мечтала поехать туда не одна, а со своим прекрасным Сашей, на которого так похож Сергей. Они даже не успели ни разу поссориться за свое короткое супружество. Или он был в полете, или им было хорошо дома. А

без него она не хотела видеть даже море. Ей было бы больно. И ей уютно в Москве, она городской житель.

– Здравствуй, Лида, – окликнула она озабоченную полноватую женщину с очень симпатичным лицом.

Это Лидия Краснова, тоже ее бывшая ученица. В самом начале ее учительской карьеры Лида училась в старших классах. Лет за десять до того, как пошел в школу Сережа. В том, что Лидия станет серьезным ученым, Марина Евгеньевна не сомневалась. Конечно, у Лиды было все прекрасно с русским языком и литературой, как у человека с организованным, развитым интеллектом. Но интерес ее лежал в области химии, биологии. В результате Лида стала сильным, известным в мире фармакологом. Живет с дочерью Настей, муж уехал в Германию. Его пригласил медицинский центр. Лида оставить свою работу не смогла.

– Здравствуйте, Марина Евгеньевна, – улыбнулась Лида. – Только в Москве так бывает: живем в соседних домах, а не видимся по полгода.

– Но у нас всегда есть такая возможность, – сказала Марина Евгеньевна. – Я часто о тебе думаю. Иногда хочется позвонить, но я знаю, как ты занята.

– Занята... Пашу как лошадь, но по нынешним временам, когда наша наука нужна только нам самим, большая часть усилий уходит в песок. И я была бы рада, если бы вы мне иногда звонили. Я сама то не решаюсь, то неохота делиться своей депрессией.

– Что-то серьезное? – встревожилась Марина Евгеньевна.

– Нет, все в дежурном режиме. Короткая реактивная депрессия. Результат переутомления. У Настеньки это тоже бывает, что меня расстраивает гораздо больше, чем все мои проблемы.

– Как у нее дела?

– Нормально. Учится хорошо. Второй курс МГУ. Мехмат. Вообще-то надо бы мне к вам забежать, поговорить. У Насти проблемы.

- Личная жизнь?

- Не знаю, как это называется. Она очень одинока. Нет друзей, подруг. Много времени и физических сил отнимают страдания, необъяснимые, надвигающиеся неотвратно... Я иногда думаю о психологах или даже психиатрах. Понимаете, у меня не получается ей помочь, когда это начинается.

- Лида, ты должна обязательно ко мне прийти. Я буду тебя ждать. Настеньку тоже. Не так давно видела ее издалека. Такая интересная стала, взрослая.

- Да. Спасибо. Я обязательно приду, позвоню прямо на днях.

Лидия посмотрела на часы и побежала к подъезду со своими сумками: она как раз шла из магазина. Настя должна быть уже дома. Лида открыла дверь квартиры, прошла на кухню, поставила сумки, постояла. Раз Настя не встречает, значит... Значит, ей опять плохо, она прячется даже от нее. Лида вошла в ванную, помыла руки, умылась холодной водой. Жарко. Надо взять отпуск, увезти девочку из пыльного города, растопить под солнцем и утопить в море ее тоску...

Настя была в своей комнате. Сидела на диване, сложив руки на коленях, и смотрела перед собой. На журнальном столике стояла пепельница, в ней сигарета и несколько окурков. Курить Настя начала недавно.

- Ты давно дома? - спросила Лида.

- Даже не знаю, - неохотно ответила Настя. Она не любила, когда мать пыталась нарушить границы ее уединенности.

Лидия подошла к компьютеру и включила его.

- Подойди ко мне. Я послала тебе на почту стихи. Наткнулась в Интернете на работе. Посмотри!

Настя подошла, прочитала. Там было написано:

Я, как зверь, зализываю раны.

И, как кофе, растворяю горе.

Пахну счастьем, южным солнцем и кальяном.

Приезжай! Скучаю!

(Подпись: Море)

– Мне нравится, – сказала Настя и улыбнулась кончиками губ.

Лидия смотрела ей в лицо с жалостью и болью. Спокойное лицо, с ясными, чистыми глазами, но в них как будто застыли слезы, как у «Неизвестной» Крамского. Когда Лидия встретила своего будущего мужа на симпозиуме в Вене, она сама тоже переживала душевный кризис. Павел подошел к ней во время ужина в гостинице и сказал: «Вы похожи на «Неизвестную» Крамского. Помощь не нужна?» Павел – не отец Насти. Дочери тогда было десять лет. Ее отец... Это лучше не вспоминать им обеим. Насте скоро исполнится двадцать. Она красивее Лидии, она талантлива, как считают ее преподаватели. Но если у нее кто-то спросит: «Помощь нужна?» – она в отличие от Лидии ее не примет. Да никто и не спросит, потому что Настя этого не допустит. У нее даже мобильный телефон всегда отключен, а к домашнему она не подходит.

– Давай съездим на море! – взмолилась Лидия.

– Давай, – кивнула Настя. – Но не сейчас, мама, пожалуйста. Мне просто не хочется пока. Нужно разобраться в себе.

– Сколько можно в себе разбираться, – подавленно сказала Лида. – Может, ты кого-то обидела? Или тебя кто-то обидел? Может, тебя что-то не устраивает в нашей жизни? Ты бы сказала, наконец. Ты не понимаешь: это же мука для матери – не знать, отчего страдает ее ребенок.

– Я понимаю, – серьезно ответила Настя. – Но я ничего не могу изменить. Пока. Подожди немножко, ладно? В нашей жизни меня все устраивает.

Лидия ушла на кухню, забила продуктами холодильник, приготовила ужин. Настя есть отказалась. Ночью Лида лежала в своей комнате, слышала через стенку, как Настя плачет. Один раз подошла к ее двери, но та оказалась запертой изнутри. Это беда, поняла Лида.

Глава 11

Настя дождалась, пока утром за мамой захлопнется входная дверь. Потом встала, долго мылась в ванной, не стала сушить волосы феном, прижала в нескольких местах ладонями, они послушно легли волнами. У Насти была счастливая внешность, как считала мама. Она могла подкраситься и выглядеть так естественно и свежо, как будто просто умылась родниковой водой. Лицо становилось таким выразительным, привлекательным, как будто с ним поработал дорогой стилист. Простые вещи отлично смотрелись на ее женственной, классически пропорциональной фигуре. Ножка была маленькой, а душа большой, как будто по Шварцу. Настя больно переживала любую чужую беду, даже случившуюся на другом конце света. С этого начинался ее несчастливый характер, опять же по определению мамы. Определения, термины – это мамина жизнь, ее наука. Настя тоже будет ученым. Но вряд ли таким замечательным, как мама. Она уже поняла, что не сможет спрятаться в науке от жизни. А жизнь ей с детства кажется осколками разбитого зеркала. Она не находит в ней гармонии. Как ни повернется – больно. Хорошим людям плохо. Настя все замечает, все несет в себе, ничего не может забыть. У мамы как-то получилось забыть отца, ей в этом, конечно, помог Павел. А Настя все помнит. Весь тот ужас, о котором мама даже говорить не хочет. Настя иногда с отцом встречается. Он – родная кровь. Она обязана переживать его несчастья, ведь она рождена, чтобы его продолжить. А он – такой, какой есть. Старый фильм по «Дуэли» Чехова называется «Плохой, хороший человек». Настя скачала его из Интернета из-за названия. Поразительный актер Олег Даль даже внешне похож на отца. И папа – тоже Олег. Только его жизнь гораздо страшнее, чем жизнь чеховского героя. Правда, ей кажется, что папа даже не понимает, как страшна его жизнь... Настя сжала руками виски. Может, что-то не так именно с ней? У нее красивая здоровая кожа, но любой взгляд, любую фразу, любое событие она воспринимает как удар по нервам, как будто кожи у нее нет совсем. Когда они с мамой убегали от папы, Настя решила, что никогда не выйдет замуж, что у нее никогда не будет несчастливого мужа и несчастливого ребенка. И до сих пор, ненасытно стремясь к знаниям, она никак не находит формулы счастья или хотя бы покоя.

Она надела черные тонкие брюки и легкий черный же кардиган. Темно-русые волосы уже высохли. Светло-карие глаза смотрят серьезно. У нее сегодня

переэкзаменовка. Она не нашла в себе сил прийти в срок на экзамен, хотя в принципе была готова. Преподаватель дал ей последний шанс, он на днях уйдет в отпуск, то есть не пойти сегодня невозможно. Настя бросила в сумку тетрадку с конспектами, выпила на кухне стакан воды и вышла из квартиры.

– Кого я вижу! – услышала она за спиной, закрывая дверь, громкий голос соседа Никиты. – Никак не могу тебя подловить! Давай я тебя отвезу. Мне делать нечего.

Настя повернулась, посмотрела на высокого симпатичного парня и ответила:

– Спасибо. Не надо. У меня экзамен, мне нужно пройтись одной.

И сразу оказалась в его объятиях. Как обычно. Он бросается без предупреждения. Настя резко, с силой вырвалась, оттолкнула его к лифту, сама побежала к лестнице. Оглянулась:

– Никита, у тебя мозги есть? Почему ты бросаешься, как маньяк?

– А почему ты дерешься? – невозмутимо спросил Никита. – Я тебе противен?

– Я могла бы сказать просто «да», но объясню, чтобы мы к этому не возвращались. Ты – нормальный парень. Внешне. У тебя часто ночует твоя девушка. Наверное, ты ей нравишься. Может, ты нравишься кому-то еще. У тебя формально приятное лицо. Но я его не вижу! На мой вкус, у тебя нет лица, настолько ты мне неинтересен. Ты меня понял? Поскольку я в этом не уверена, куплю сегодня газовый баллончик.

– Больная, – растерянно пробормотал ей вслед покрасневший от обиды парень. – Формальное лицо, нет его, баллончик... Эй, – крикнул он, когда она уже слетела вниз. – Ты кого из себя строишь? Королева в Англии уже есть.

Последняя фраза показалась ему настолько удачной, что это его утешило. Настя что-то говорила про его девушку, про Ксанку... А вдруг она ревнует? Вот приколы, если так! Только надо придумать что-то похитрее, а то действительно баллончиком глаза зальет. Дура. Как все чересчур умные.

Настя выбежала из подъезда и налетела на другого соседа – Генку Назарова. Он часто возвращается домой утром. Вот он – почти неприятность. Рвотный порошок. Рубашка в цветочек, расстегнутая до середины волосатой груди, жирные волосы, стянутые сзади в крысиный хвост, масляные глаза... Он, конечно, радостно к ней прижался: этот никогда не поймет, что она теряет сознание от отвращения.

– Здравствуйте, – сдержанно сказала Настя и отшатнулась от Назарова, как будто ее ударило током.

– Торопимся? – придержал он ее за руку.

– Да. Очень. Руку отпусти, пожалуйста. Мне больно.

– Такая нежная? – Его бесформенный и дефективный рот растянулся в улыбке до ушей.

Настя молча выдернула руку и быстро пошла по двору. Фу, какая гадость. Ей и нормальных-то людей не хочется сейчас видеть. Ей больше всего хочется вернуться в квартиру, опустить жалюзи, закрыть глаза, спрятаться... Как всегда. Но экзамен нужно сдать. Она проходит мимо дома, в котором живет их общая с мамой учительница литературы Марина Евгеньевна. От подъезда к своей машине идет походкой ковбоя стройный красивый блондин – сын учительницы, Сережа. Настя была еще младшеклассницей, когда он, почти взрослый, ходил по школе с этим своим независимым и непринужденным видом, который все девочки, даже она, понимали одинаково: «Я для вас подарок! Ничего, мечтайте, я не против». И сейчас – он такой же, только возмужавший, наверняка обнаглевший окончательно. Настя слышала, что он – частный детектив. Что за профессия, прости господи. Шпионит, что ли, за кем-то, лезет в чужую жизнь, вынюхивает какие-то постыдные секреты. Он может что-то знать о Настином отце, их бедах, наверное, считает папу плохим человеком, которого надо преследовать...

– Доброе утро! – неожиданно повернулся к ней Сергей, уже открыв дверь машины. – Вы ведь из нашей школы, правда? Мне кажется, я вас видел, но, конечно, не такой взрослой девушкой.

– Здесь все из нашей школы, – ответила Настя. – Вы – Сережа Кольцов, сын Марины Евгеньевны. А я – Настя Краснова.

– Очень рад встрече. Вас подвезти?

– Нет, – быстро ответила Настя. – Мне удобнее на метро.

Она шла к метро и думала: ни в коем случае нельзя говорить маме об этой череде встреч с мужчинами-соседями. Никита – глупый, плоский. Геннадий – просто первобытное существо, которое по улицам современного города кто-то должен водить на поводке. Сергей Кольцов, может быть, опаснее их обоих, потому что здорово смотрится, культурно разговаривает, мать у него – всеми любимая учительница. Он наверняка легко втирается в доверие, чтобы украсть чужие тайны, чужую боль. Мама на все это сказала бы, что Насте надо походить к психотерапевту. Она – умный человек, известный ученый, но находится в плену бытового, чисто бабского заблуждения, будто у девушки есть возраст, когда она только и мечтает о том, как бы лишиться самой себя, оказаться во власти совершенно чужого человека, причем добровольно, только потому, что этот человек – мужчина.

– Все нормально, – сказал без восторга преподаватель физики Юрий Григорьевич. – Верное решение, правильный ответ. Для кого-то другого. У вас раньше были нетерпение и поиск ученого, вы всегда выходили за рамки того, что читалось на лекциях. Это ушло, Настя. Вы разочаровались в предмете, в науке в целом? У вас другие планы на жизнь?

– Нет, – ответила Настя. – Я, наверное, разочаровалась в себе. У меня не получается с помощью науки строить планы на жизнь. Может, я устала, перемудрила, но у меня вообще не получаются ни наука, ни жизнь. Наверное, я – не ученый, в отличие от Эйнштейна, к примеру, который сделал вывод: большой палец ноги всегда рано или поздно делает дырку в носке. И тут же принял решение – не носить носки. Безусловная логика и никаких условностей. У меня это не получается.

– Отлично, – рассмеялся Юрий Григорьевич и поставил в зачетке «5».

Глава 12

Нина Ивановна быстро подошла к подъезду, в котором жили Кольцовы, перевела дыхание и набрала на домофоне номер квартиры, который помнила с тех пор, когда Алла ходила в школу. Марина Евгеньевна считала, что с родителями нужно беседовать в неформальной обстановке, за чашкой чая. К ней можно было прийти всегда. Нина Ивановна бывала здесь пару раз. По одному поводу. После какого-то проступка Аллы или того, что матери таковым показалось, Нина Ивановна потребовала от школьного врача, чтобы дочку направили к психиатру. Она хотела поставить ее на учет. Врач сообщила об этом Марине Евгеньевне, та о сути конфликта спросила у Аллы, но девочка просто зашлась от рыданий. И тогда учительница пригласила Нину Ивановну к себе. Они обе никогда не повышали голос. И тогда тоже улыбались друг другу, беседовали вежливо. Но первый разговор оборвался резко.

– Алла – совершенно здорова, – сказала Марина Евгеньевна. – Зачем вам это все понадобилось?

– Она должна чего-то бояться, – спокойно ответила Нина Ивановна.

– Зачем???

– Затем, чтобы не выходить за грань дозволенного, – уже металлическим голосом произнесла Нина Ивановна.

– Алла – отличница. У нее нет замечаний. Какая грань дозволенного? Она что – ворует, пьет, употребляет наркотики?

– Вот, чтобы даже мысли ни о чем подобном в голове у нее не возникло, – отчеканила Нина Ивановна.

Учительница посмотрела в ее светлые оловянные глаза и подумала, что здесь все наоборот. Психически нездоровая мать ломает здорового ребенка. И впервые в жизни сказала очень жестко:

– Вы ошибаетесь, считая дочь своей личной вещью. Она человек. Вам придется отказаться от своей безумной идеи. Я буду с вами бороться. Школа будет с вами

боротся. Вы работаете бухгалтером в серьезной организации. Я потребую, чтобы именно вас послали на психиатрическое освидетельствование. Мы изложим наши опасения. И к нам прислушаются не потому, что кого-то беспокоит судьба вашей дочери. Их заинтересует ваше поведение потому, что вам доверяют работу с крупными суммами.

- Но...

- Давайте обе успокоимся, - снизила тон Марина Евгеньевна. - Прошу вас подумать, потом вернемся к этому разговору.

Через несколько дней Нина Ивановна пришла второй раз.

- Я согласна сейчас этого не делать, - сказала она, не глядя Марине Евгеньевне в глаза. - Пока Алла ведет себя сносно... Вы не будете обращаться ко мне на работу?

- Я не собиралась, - мягко ответила Марина Евгеньевна. - Была уверена, что вы погорячились и поймете, что это неверное решение, оно может испортить Алле жизнь.

- Да, - холодно сказала Нина Ивановна.

Больше Марине Евгеньевне поговорить с ней не удавалось. Она пыталась это сделать в школе после родительских собраний, но в ответ звучали или не совсем искренние восторги в адрес дочери, или упрямое, скрытое недовольство, временами похожее на ненависть.

И вот она пришла опять. Позвонила с утра, предупредила. Марина Евгеньевна открыла дверь, пригласила ее в гостиную, поставила на стол чашки с чаем, вазу с пирожными.

- У меня Сережа сейчас живет, - улыбнулась она. - Поэтому всегда есть сладкое, как и положено, когда в доме ребенок. Я и сама ем с ним пирожные, мороженое. Он говорит: «Мама, мозги без сладкого - как тигры без мяса».

– Спасибо, – холодно сказала Нина Ивановна. – У меня диабет. Я пришла с вами посоветоваться, Марина Евгеньевна. Помните, когда Алла училась в школе, вы меня убеждали, что с ней все в порядке. Я тогда согласилась. Но сейчас я в этом сомневаюсь. Она привела в дом беспризорного ребенка, заявила, что это чуть ли не самый близкий ей человек. А теперь вообще обвиняет меня в том, что девочка пропала! Она мне угрожает!

– Чем?

– Тем, что не будет отдавать мне все деньги. Что она сильнее меня физически. Что это у меня не все в порядке с головой... То есть случилось то, чего я всегда боялась: она выходит за рамки дозволенного. Что я могу предпринять?

– Во-первых, позаботиться о ребенке, попавшем в беду, – это не значит выйти за рамки дозволенного. Как вы можете так говорить! Во-вторых, почему взрослая женщина должна отдавать вам все заработанные деньги? Я этого не понимаю. Вам нужно просто решить, сколько она будет выделять на хозяйство. Но самое главное, Нина Ивановна, почему Алла подозревает вас в том, что девочка пропала? Ей что-то известно, или вы говорили о том, что собираетесь предпринимать?

– Вы все вывернули наизнанку, все переверли, чтобы меня оскорбить, – лицо Нины Ивановны исказила гримаса ярости. – Что вы себе позволяете! Я пришла узнать, что мне делать по закону! Вы мне тогда помешали! Вы должны...

– Успокойтесь, пожалуйста. Одну минуточку. – Марина Евгеньевна подошла к аптечке, накапала тридцать капель валокордина в рюмку. – Выпейте, я прошу. Вам действительно вредно волноваться. Вы же говорите, у вас – диабет...

– У меня вдобавок сердечная недостаточность, гастрит, колит, почки... И это еще ерунда. И все на нервной почве. – Нина Ивановна глотнула капли, лекарство подействовало мгновенно, как на любого зависимого от препаратов человека. Она порозовела, обмякла.

– Я предлагаю прекратить разговор на травмирующие вас темы. Знаете, перед вашим приходом я смотрела забавное видео о том, как кошка, родившая котят, вскармливает еще и осиротевших ежат. Умилительная и уморительная картина. Смотрите, – Марина Евгеньевна взяла пульт и включила видео на мониторе. –

Великая вещь – материнство, – прокомментировала она и с удивлением взглянула на Нину Ивановну. У той в глазах появились слезы.

– Да, – сказала она. – Это так трогательно. Мы, матери, можем это понять... Вы знаете, моя дочь привязалась к беспризорному ребенку. Она так за него переживает, ну, за эту девочку, пытается узнать, куда она делась... У нее же нет своих детей, вот и...

Марина Евгеньевна повернулась и посмотрела на стоявшего на пороге комнаты Сергея. Похоже, он видел почти всю сцену. Она от волнения не услышала, что он вернулся, и в растерянности развела руками. Сергей в ответ пожал плечами. Потом сделал выразительный жест: выпроводи ее.

– Вот Сереженька пришел, – сказала Марина Евгеньевна гостю. – Мне кажется, будет лучше, если он вас сейчас проводит домой. Вам нужно отдохнуть.

– Да, – сказала Нина Ивановна. – Я пойду. Не надо меня провожать. – Она встала и прошла мимо Сергея, который с ней поздоровался, окинув его подозрительным взглядом.

– Ох, – сказала сыну Марина Евгеньевна. – Натерпелась я с ней. Сначала она была в бешенстве, ну, ты, я так понимаю, все видел и слышал. Потом ее бросило в другую крайность. Причем со слезами на глазах.

– Чокнутая, – заключил Сергей. – Или прикидывается. Я считаю, что те, кто прикидывается, и есть самые чокнутые.

– А как ты считаешь, она могла что-то предпринять против ребенка?

– Она способна на что угодно. Неужели непонятно? Бедная Алка.

– Ты что-то узнал?

– Нашли голову убитой женщины. Это не мать Оли.

– Все, что ты говоришь, – ужас-ужас. Я не знаю, насколько это плохо. Значит, кто-то другой кем-то убит. А мама Оли... Как ты думаешь, она жива?

– Вообще-то надежды очень мало. Когда исчезают внезапно обычные бедные люди, их вряд ли обнаружат когда-нибудь в Швейцарии или в Ницце. Скорее всего, в земле или на свалке. Извини, мама. Просто ты должна быть в теме, раз уж так все пошло... Да, я встретил сегодня девушку, которую видел, когда она была совсем сопливой, в нашей школе. Она сказала, что ее зовут Настя Краснова. Ты такую помнишь?

– Ты шутишь? Я что, кого-то из своих учеников забывала? А Настя живет в соседнем доме, в том же, что и Аллочка. Там же – Тамара Назарова с братом. И мама Насти училась у меня, когда ты был сопливым, по твоему же определению. Лида тогда была Иванова. Краснова она по мужу. Как тебе показалась Настенька? Я очень давно ее не вижу. Лиду встретила, она говорила о каких-то Настиных проблемах.

– Как показалась? – задумчиво переспросил Сергей. – Вот так.

Он высоко поднял голову и посмотрел на мать взглядом надменным и страдающим, отталкивающим и умоляющим о помощи.

– Ничего себе! – всплеснула руками Марина Евгеньевна. – Почему я не отдала тебя во ВГИК? Почему ты не играешь на сцене МХАТа? Ты же – артист! Я узнала этот взгляд. Так смотрела Лида, мать Насти, когда ее обижали, когда у нее были неприятности. Как «Неизвестная» Крамского. Значит, у девочки действительно проблемы. Настя красивая?

– Однозначно, – авторитетно заявил Сергей.

Глава 13

Алла сидела на рабочем месте у компьютера. В номере стоял ее материал, пришли замечания дежурного редактора, она вносила правку, но через каждые пять минут смотрела на свой телефон. Почему Сергей не звонит? Когда он наконец что-то узнает? Время уходит. Может, он и хороший сыщик, но сейчас у него отпуск. Он сам сказал, что или валяется на диване, или ест. Вообще-то никому не известно, напрягается ли он бесплатно. Алла даже подумала: может,

как-то намекнуть ему, что она заплатит... Одно дело – Марина Евгеньевна, которая всю жизнь тратила учительскую зарплату на подарки ученикам – кому-то дорогие книги, кому-то нужные вещи, – и совсем другое дело современный частный детектив.

– Лариса, – позвала она заведующую, которая сидела за своим компьютером. – Ты не знаешь, сколько стоят услуги частных детективов?

– Ты чего? – от изумления длинное лицо Ларисы в обрамлении красивых пепельных волос стало еще длиннее. – Это тебе за каким чертом понадобилось? Они все жулики!

– Потом расскажу. Надо кое-что узнать. И они не все жулики, должна заметить. У моей очень хорошей и порядочной учительницы сын – частный детектив. Он отличный парень. Мы в одной школе учились.

– И этот отличный парень, эта сволочь, пытается тебя развести на деньги? Я в шоке.

– Да нет! Ну, какая ты. Он мне помогает, а мне неудобно. Я хотела бы как-то возместить. Это же его рабочее время! Думала, ты в курсе, ты же всегда все знаешь...

– Нет. С этими жуликами иметь дела не приходилось. И даже не слышала. Если они берут, как адвокаты, то ты столько не зарабатываешь. Мою родственницу один «отличный парень», он же распиаренный адвокат, чуть по миру с голым задом не пустил. Она еще какую-то его помощницу-таджичку типа содержала. Потом выяснилось, что он палец о палец не ударил, дело загубил. Мне пришлось к нашему влиятельному автору в ноги падать, чтобы выручил. Так что...

– Понятно, – упавшим голосом сказала Алла. – Дорого.

В это время зазвонил телефон.

– Да, Сережа. Я на работе. Жду твоего звонка. Что-то есть?

– Что-то есть. Бабушкин муж живет в ста километрах от Москвы.

– И что? Ты им звонил?

– Да. Эта Мария Николаевна – не очень приветливая дама. В общем, Алла, она сказала, что Оли у них нет. Но я собираюсь съездить, поговорить. Нужно очертить круг знакомых родителей Оли, что-то узнавать о самой девочке. Она тоже с кем-то общалась, может, еще родственники есть... Короче, нужны ниточки.

– Как это ужасно, – губы Аллы дрожали. – Ты меня возьмешь?

– Да, если хочешь. Ты на работе?

– Я сейчас отпрошусь, если нужно.

– Скажи адрес, я буду через час.

* * *

...Поселок, в котором жил Станислав Васильевич Коровин, гражданский муж Олиной бабки, оказался довольно пафосным. Владельцы каждого более нового дома явно пытались в чем-то переплюнуть тех, кто строился до них. Большой трехэтажный дом Коровина был обнесен высоким ажурным металлическим забором, – то ли сталь, то ли покрашен в стальной цвет. Этим поместье выгодно отличалось от других: особняк и сад просматривались с улицы. Сергей поставил машину между двумя домами, вышел, дал руку Алле и с интересом уставился на соседний бетонный забор – выше дома: он был украшен наклеенными огромными керамическими, экзотической раскраски цветами. Его интерес заметили. Ворота в заборе разъехались, и в проеме возник хозяин бетонной клумбы. Он был в клетчатых трусах и в пиджаке от дорогого костюма, надетом на голый торс. Лицо от уха до уха сравнялось с шириной плеч. Небольшие глаза выглядели бедно на фоне разгула гигантизма.

– Че надо? – не разжимая губ, поинтересовался сосед.

– Хотел узнать: это где-то продается или авторский проект. Чисто по делу. Дверь у гаража не закрывается, приходится булыжниками подпирать. Цветами было бы креативнее. Но по выражению вашего лица чувствую, вы телефончик автора

не дадите. В кармане-то что, чувак? Травмат или уже с боевыми? Ручонку опусти, пока не поздно. У меня по «макарову» в каждом заднем кармане джинсов. И удостоверение Генеральной прокуратуры по ходу. Что показать сначала?

– Пошел на... – буркнул владелец участка изуродованной его дурным вкусом земли и скрылся за своим забором.

– Какой жуткий тип, – нервно сказала Алла. – И я очень тебе признательна, что ты не устроил стрельбу. Мне показалось, ты заскучал без любимого дела. Не вникаю в подробности. Мы ведь совсем по другому поводу приехали.

– Не стоит благодарности, – небрежно ответил Кольцов. – Я никогда не устраиваю стрельбу. Я ее просто иногда предупреждаю. Нервы у народа ни к черту, с мозгами бывает просто беда. Говорят, в осадки что-то добавляют. Шутка.

– Счастливый у тебя характер, Сережа, – серьезно сказала Алла. – У меня вот зубы стучат от страха. Боюсь что-то узнать, боюсь ничего не узнать...

– Не бойся, – так же серьезно ответил Сергей. – Не знать – страшнее, чем знать. Вот, нас уже увидели, пошли.

Небольшая калитка аркой в серебристом заборе открылась, и в проеме появился крупный полноватый мужчина в спортивном костюме, в очках с тонированными стеклами. Это, конечно, не разбогатевший тип из соседнего дома, с которым они только что столь плодотворно пообщались. Этот – вполне себе барственный, холеный персонаж, который поработал над своим образом великосветского помещика. Да и внешность подходящая. Волнистые каштановые волосы, седые виски, аккуратные усы и бородка.

– Добрый день, Станислав Васильевич, – просиял голливудской улыбкой Сергей. – Мы в точности уложились в указанное вами время. Дорога отличная. Успели тут, на месте, даже познакомиться с вашим соседом. Выскочил из-под этих глиняных цветов. Впечатляют – он и цветы.

– Приветствую вас. Проходите. На Сеню не стоит обращать внимания. Он его не стоит, прошу прощения за тавтологию. Сергей Александрович, представьте,

пожалуйста, вашу прелестную спутницу.

– Алла, – протянула ему руку она. Хозяин легко коснулся ее губами. – Пройдемте на террасу, жена вас ждет там, а я, пожалуй, отлучусь по делам. Просто я практически не знаком с ситуацией, как не знаком ни с дочерью Марии, ни с ее внуками. Только помешаю вам своим присутствием, к тому же у меня неотложные дела.

Он довел их до ступенек, ведущих на террасу, где стояла крупная дама с профессионально уложенными волосами цвета «светлый естественный русый», в простом синем сарафане с розовой отделкой из тонкого сатина, – Алла видела в одном бутике такой сарафан и надела очки, чтобы убедиться, что не ошиблась в количестве нулей. Выражение лица у нее было: «Да вы кто такие?!» Коровин сказал: «Маша, это к тебе, я вас оставляю».

– Проходите, – низким голосом произнесла хозяйка.

Они поднялись на просторную, сверкающую чистотой террасу, Сергей сказал:

– Мария Николаевна, добрый день, разрешите представиться...

– Вы уже представлялись, – прервала его хозяйка. – Сыщик. Сергей Кольцов. А эта деви... девушка опекала мою внучку Олю, которую вы ищете. Вы можете сесть – в кресла или на диван. Только от того, что вы сюда приехали, я не смогу вам сказать больше, чем по телефону. Я не знаю, где моя дочь и ее муж. Я понятия не имею, где Оля.

– Да, мы присядем, – невозмутимо сказал Сергей. – Садись, Алла. Я задам вам несколько вопросов, вы очень поможете нам, ответив на них.

– Задавайте.

– Когда вы в последний раз видели Олю?

– Точно не скажу... Где-то месяцев пять назад. Тогда меня вызвала служба опеки по поводу интерната и квартиры...

– Вы, как я понимаю, отказались от опеки над маленькими внуками, дали разрешение на то, чтобы их отправили в интернат до возвращения родителей.

– Да. И согласилась с тем, что Оля будет жить в моей квартире. Ну, я никого не разубеждала в том, что и сама буду там жить. Соседи, ее учительница меня просили, так сказать, не отправлять ее в детский дом, клялись, что берут на себя ответственность за нее. Доотвечались...

– Они виноваты? – выдохнула Алла. – Здесь... Дети когда-нибудь бывали здесь, в этом роскошном доме?

– Эй, спокойно! Я согласилась, чтобы вы приехали, но морали мне читать не надо. Я сама кому хочешь мораль прочитаю. Мне не нужен выводок моей дочери. У меня своя жизнь. У вас все?

– Алла, – сказал Сергей, – извини, но мне хотелось бы прояснить то, зачем мы приехали. Получить информацию. Мария Николаевна, это не все. Кто биологический отец Оли? Он нигде не значится.

– Не значится. Потому что мерзавец. Некто Голиков Петр. Бездельник и ходок. Не местный, как и все любовники моей дочери. Когда она забеременела, он хотел расписаться – прописаться.

– Вы не дали согласия?

– Нет.

– И где он сейчас?

– Понятия не имею. Смешно даже. Откуда, по-вашему, я могу это знать?

– Из какого города он приехал?

– То ли из Тамбова, то ли из Владимира, точно не помню.

– Вы сказали о любовниках своей дочери во множественном числе. Дети от разных отцов?

- Два - это тоже множественное число. Оля от Петьки, остальные - от Марчука.

- Анатолий Марчук понравился вам больше, поэтому вы дали согласие на брак и его регистрацию в своей квартире?

- Мне он вообще по барабану. Просто к тому времени, как он появился, мой первый муж умер, я устроила свою жизнь, переехала сюда. Полина осталась в квартире. Они там стали плодиться, как кролики. Конечно, я дала согласие. Для того чтобы он содержал свою семью.

- Они бедно жили, - тихо сказала Алла.

- Это что, моя проблема? Или Марчука, который приехал за московской квартирой? Он в какой-то степени ее получил. Она достаточно дорогая, к вашему сведению. Все. Больше у меня времени нет.

Хозяйка встала. Сергей и Алла тоже.

- Мария Николаевна, - настойчиво спросил Сергей, - у вас нет никаких предположений, куда могла поехать Оля? Может, кто-то ее взял к себе? Другие родственники.

- Других родственников у нас нет. У Марчука... Понятия не имею. Но когда они пропали, вроде Тирасполь запрашивали. Там его родители.

- Я знаю. Полина и Анатолий к ним не приезжали. По поводу Оли я им звонил. Они вообще думали, что дети с вами...

- Мне не сильно интересно, что они думали. Я их знать не знаю.

- Спасибо. Мы прощаемся, - сказал Сергей. - Заранее прошу прощения за то, что могу еще вас побеспокоить. Ребенка и родителей нужно искать.

Мария Николаевна промолчала. Алла тоже без звука прошла мимо нее. Когда они вышли со двора и сели в машину, Алла посмотрела на Сергея горячим гневным взглядом.

– Какая мразь!

– Это слишком категорично, – прокомментировал Сергей. – Я бы сказал, она была не до конца откровенной. Она, конечно, что-то скрывает. Это может быть конфликт с дочерью или с зятем, например. Возможны и другие варианты.

– Она могла куда-то завезти Олю, чтобы освободить свою квартиру! Эта дрянь говорила, что она у нее дорогая!

– Не знаю, могла или не могла, но подозреваемой она является без сомнения. Здесь она на птичьих правах. Если Коровин завтра захочет жениться на другой, ей придется куда-то вернуться.

– Так, может, он уже хочет?

– Не исключено.

Глава 14

У нее была тайна. Ее приходилось всю жизнь прятать от других. От родителей, подруг, потом от мужа, потом дочери... И от целого враждебного мира. Секрет этот заключался в том, что она себя страстно жалела и панически боялась. Она не знала, чего от себя ждать. Природа наделила ее незаметной, невыразительной внешностью, отсутствием эмоциональности, интереса к окружающим. Это стало панцирем, который спрятал ее тайну. Весь интерес и все эмоции были зациклены на себе самой. Вот это и стало отправной точкой того, что происходило в ее жизни. Она закрывалась в комнате и металась, билась головой о стену в невыносимом желании увидеть страшные мучения любых своих обидчиков, даже если это была просто сослуживица, которая сказала: «Ты плохо сегодня выглядишь». Она могла рыдать, просматривая в одиночестве трогательный фильм, но это были слезы умиления и восхищения своей отзывчивостью. Больше она никого никогда не жалела. Нина Колесникова, мать Аллы. Как-то получилось, что она провела ночь со своим однокурсником Димой, мягким, безвольным парнем, который влюблен не был, просто оставил ее у себя после вечеринки, потому что ей далеко было возвращаться домой, а ему

не хотелось ее провожать. Переспал: а почему нет? Она оказалась девушкой, это его не очень порадовало, ну бывает. Он не собирался с ней больше встречаться. Но она знала, что он обязан жениться, поскольку в противном случае станет ее обидчиком. Она этого добилась. И пока добивалась, ей казалось, что она его любит. Потом, когда он стал ее собственностью, она его любила за то, что имела право ненавидеть. Дима внешне тоже был незаметный, но, в отличие от Нины, добрый и коммуникабельный. То есть повода у нее для спрятанной от чужих глаз ненависти было предостаточно. Он все время рассказывал о чьих-то проблемах, вникал, ездил помогать. Он занимал друзьям деньги, они забывали отдавать. Он мог прийти поздно, когда у нее болела голова... Нина очень быстро превратила жизнь мужа в кромешный ад. Он стал ее бояться. Однажды, когда он вернулся домой, посидев с друзьями в пивном баре, Нина бросилась на него и попыталась задушить. Он не мог сопротивляться женщине, хотя чувствовал, как у него темнеет в глазах, туманится сознание... Утром пошел на работу в завязанном на шее ярком платочке. Все шутили, не догадываясь, что он скрывает жуткие синяки. Он тоже шутил: «Это память об одной пастушке. Я с ней в стогу ночевал, пил березовый сок и все такое... Буду носить, пока ее не забуду». Нине доложили. И, она, зная правду, возненавидела его за то, что он ее компрометирует, рассказывая о мнимой любовнице. Моральные истязания были для Димы еще невыносимее. Он думал, что в семье должны царить теплые и родственные отношения. А его обдавало смертельным холодом, когда рядом появлялась жена. Они уже жили по разным комнатам. Родилась Алла. Он постоянно жалел ребенка, Нина это знала и решительно отстраняла его от дочери. Говорила, что он все делает не так. Она все делала правильно. Как робот. Но он слышал через стену, как девочка просыпается с плачем, мокрая, а мать ее молча и методично за это бьет. Младенца! У него разрывалось сердце. Он стал бояться засыпать и просыпаться. Заехал как-то к матери, та была врачом. Сказал, что у него депрессия, попросил связать с психиатром. Мама нашла ему молодого отличного специалиста. Тот предложил пообщаться не в кабинете, а просто прогуляться, поговорить. Дима говорил только о том, что он не умеет приспосабливаться к жизни. Что у него какие-то страхи, скорее всего, он заболел. Врач уловил что-то странное в его рассказе. И они пошли к Диме домой. Вроде как друзья. Нина, увидев нового приятеля мужа, сразу окаменела. Они пытались с ней разговаривать, Дима заварил кофе, приглашал ее посидеть с ними... Она даже присела на какое-то время, но с ней происходило нечто ужасное. Это было так очевидно, что ни один из них не смог сделать и глотка. Они ушли в комнату Димы, он включил телевизор, какое-то время оба его смотрели молча. Потом психиатр сказал:

– Старик, проблема не в тебе. Ты, конечно, тряпка, но совершенно нормален. У твоей жены – шизофрения. Мне самому не по себе тут, у вас.

В это время они оглянулись на дверь. Нина стояла на пороге и явно все слышала. Дима пришел в такую панику, что даже не заметил, как ушел врач. Он хотел убежать из дома, когда Нина ушла в свою комнату. Но она вышла в прихожую и отчеканила:

– Если ты уйдешь, если ты кому-нибудь расскажешь, что сказал тебе этот идиот, я выброшу ребенка из окна. Ты понял?

Он понял. Он понял, что больше выносить ее не в состоянии. Вернулся в свою комнату, закрыл дверь изнутри на ключ и прыгнул с подоконника восемнадцатого этажа.

После похорон Нина продала квартиру, купила другую. Когда переехала, первым делом собрала фотографии, документы Димы, даже свидетельство о смерти, – и все сожгла. Алла не должна знать, что у нее вообще был отец. Это Нина очень доступно объяснила и свекрови.

– Девочка никогда не будет с вами общаться. Вы же сами понимаете, какая у вас генетика. Когда моя дочь подрастет, я скажу, что у нее не было отца. Просто я случайно встретила с мужчиной. Это только в интересах ребенка, я узнавала.

Свекровь посмотрела на нее измученными, заплаканными глазами и кивнула. Да, только бы больше не видеть ее. Не общаться. А то ведь у нее вырвется рано или поздно: «Ты – убийца моего сына».

...Алла вошла в прихожую. Быстро прошла мимо матери, которая явно ждала отчета: где она была. Отчеты кончились. По крайней мере, пока Алла не убедится в том, что мать не имеет отношения к исчезновению Оли. В своей комнате она просто упала на кровать. Она слишком страстно всегда надеется на чудо, потом – провал в пропасть. Но она не даст себе распуститься. Сережа работает. У него есть связи. Он знает, как на этой переполненной людьми земле искать одну маленькую девочку. Есть надежда.

В прихожей раздался звонок домашнего телефона. Алла вскочила и бросилась к нему. Но Нина уже положила трубку.

– Кто звонил? – спросила Алла.

– Понятия не имею. Говорили неразборчиво, я ничего не поняла.

Черт побери! Алла никак не купит нормальный телефон. Мать, конечно, купила бракованный аппарат, без определителя, она вечно на всем экономит, кроме своих лекарств. А ведь это могла быть Оля! У Аллы новый мобильник, сдуру выбросила сломанный с симкой. Оля новый номер еще не запомнила, а домашний она знает...

– Послушай, мама, – Алла старалась говорить спокойно, но голос у нее срывался. – Я не верю тебе. Это могла быть Оля, а ты бросила трубку. Поэтому предупреждаю: никогда не подходи к домашнему телефону, когда я дома... Спокойно, я не собираюсь тебя ни в чем ограничивать. Речь идет о том периоде, пока мы ищем ребенка. Ты поняла? Завтра я куплю другой телефон, с определителем.

Их взгляды скрестились. Темный, горячий и светлый, холодный и бешеный.

Глава 15

Сергей в банном халате плюхнулся на кухонный диванчик.

– Привет, мама.

– Доброе утро, сынок. Правда, для остальных людей уже давно не утро. Но я радуюсь, что ты у меня отсыпаясь. Вот только режим питания... Я решила рано утром ставить тебе на тумбочку легкий завтрак. Проснулся, зевнул, заодно проглотил. И потом спишь еще крепче.

– Какая чудесная идея! И ты всякий раз будешь придумывать что-то новое? Я согласен! Только боюсь, не смогу заснуть: буду ждать рассветного часа, чтобы пожрать.

– Да тебе особенно и ждать не придется. Сережа, ты думаешь, я не в курсе, что ты давно отменил свое собственное решение – не включать компьютер. И сидишь ты практически всю ночь. Я переживаю из-за этого не меньше, чем из-за самого факта убийства в нашем районе.

– Да, милый, культурный район моего детства и туманной юности. Здесь убили женщину, – Масленников говорит, молодую, – спокойно разрезали ее на куски, оставили сверток на видном месте у большого магазина, голову в пакете выбросили в мусорный бак неподалеку, – и никто никого не ищет! Никакой информации о пропавшем человеке по нашему округу нет, никакого заявления у нашего участкового нет, объявлений в Интернете – тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylova_evgeniya/beguschaya-po-ognyam

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)